

БОЛЕЕ 7 000 000 ПРОСМОТРОВ В ТІКТОК

МИКАЛЕЯ
СМЕЛТЦЕР

Возрождение

ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

18+

Мед и соль

Микалея Смелтцер

Возрождение полевых цветов

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смелтцер М.

Возрождение полевых цветов / М. Смелтцер — «Издательство АСТ», 2022 — (Мед и соль)

ISBN 978-5-17-152222-3

Его сердце было разбито. Моя жизнь изменилась окончательно и бесповоротно. Прошло шесть лет с тех пор, как я в последний раз видела Тайера Холмса. Случившееся навсегда развело наши пути. Мне пришлось собирать себя по кусочкам: новый мужчина, новый город, новая жизнь. Если бы все было так просто... Я вернулась домой, где мне предстоит попрощаться с матерью и разобраться с последствиями моего развода. И не думать о Майере. Ни в коем случае не думать о НЕМ. Вот только... Может ли старая любовь возродиться из пепла?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152222-3

© Смелтцер М., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	17
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	27
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	33
Глава двенадцатая	37
Глава тринадцатая	39
Глава четырнадцатая	42
Глава пятнадцатая	45
Глава шестнадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Микалея Смелтцер

Возрождение полевых цветов

Micalea Smeltzer
The Resurrection of Wildflowers

© 2022 by Micalea Smeltzer
© Капустюк Ю., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Перед вами художественное произведение. Все упомянутые в романе имена, персонажи, организации, места и события являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Его сердце было разбито. Моя жизнь изменилась окончательно и бесповоротно.
Поэтому я от него ушла.
Начала все заново.
Вышла замуж за другого.
Но я его не забыла.

Прошло шесть лет с тех пор, как я в последний раз видела Тайера Холмса. Я вернулась в родной город, где мне придется столкнуться с нашим прошлым и справиться с последствиями моего развода. Сейчас я в том же положении, что и он в момент нашего знакомства.

Я начинаю все с чистого листа.
Больше нет секретов, которые мы могли бы хранить.
Не всякая любовь получает второй шанс, но, возможно, мы станем исключением.
А может и нет.
Посвящается всем, кто пережил невообразимую боль и благодаря ей стал сильнее.

«Цветы растут из темноты».

Корита Кент

Пролог

Салем

Мне потребовалось время, чтобы понять, что иногда, как бы сильно мы кого-то или что-то ни любили, приходится отпускать. Тонущий корабль не спасти.

Иногда рядом с нами есть кто-то, ради кого мы должны быть сильными, тот, кто в нас очень нуждается.

Мы делаем выбор.

Разрушительный.

И надеемся, что, возможно, однажды они к нам вернуться.

Глава первая

Салем

Весну в Хоторн-Миллс я люблю больше всего. Я не бывала здесь с тех пор, как покинула городок шесть лет назад. Тем летом я приезжала сюда несколько раз в надежде, что мой любимый мужчина увидит меня и вернется ко мне, но этого не случилось.

Потеряв Тайера Холмса, я поджала хвост и пошла дальше.

Устроилась официанткой в закусочную неподалеку от квартиры Лорен. Экономила на всем, откладывала каждую копейку. Мы с Калемом стали больше общаться, а потом и встречаться. Почти через год, в день свадьбы Джорджии, он сделал мне предложение, и я его приняла. Через два месяца мы поженились. Он окончил колледж, и мы переехали в Калифорнию. Там мне нравилось не меньше, чем здесь, но год назад ему предложили работу в Бостоне, и мы вернулись.

И все равно я ни разу не переступила порог дома моего детства.

Он знал, почему, и это причиняло ему боль.

Я всегда только и делала, что причиняла ему боль.

Поэтому я его отпустила.

Наш развод прошел легко, как и все, за что мы брались. Я знаю, что Калем всегда будет присутствовать в моей жизни, но теперь он свободен и может искать такую любовь, какую когда-то познала я. Если довелось так любить, с этим уже ничто не сравнится, как ни старайся и сколько труда ни вкладывай.

Это все равно что втискивать кусочек головоломки туда, где ему не место.

Я открываю дверцу машины и ступаю на парковку возле дома.

Как бы я ни клялась, что никогда не приеду сюда, в это место, к *нему*, кое-что заставило меня вернуться. Я вхожу в дом и обнаруживаю маму в гостиной на импровизированной больничной койке.

– Привет, мам. – Все мои силы уходят на то, чтобы сдержать слезы. Я не хочу, чтобы она их видела.

– А вот и моя девочка, – улыбается она и подзывает меня к себе взмахом бледной тонкой руки.

Моя мама умирает.

У нее рецидив рака, и на этот раз все средства бессильны. Сколько бы она ни боролась, болезнь упорно берет верх. Ей остается жить месяца два, а может, и меньше.

Я прохожу в гостиную и наклоняюсь ее обнять, мои шаги звучат непривычно громко.

– Ты разминулась с Джорджией, – говорит она. Ее объятия слабы, на теле почти не осталось мышц и жира. Она увядает прямо на глазах.

– Я встречусь с ней позже.

– Дети о вас спрашивали.

Я улыбаюсь и провожу пальцем по бледной коже на ее щеке.

– Они нас скоро увидят.

У Джорджии и Майкла двое детей и еще один на подходе. Надо ли говорить о том, что у них дел невпроворот, но они счастливы.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, у меня все есть. Может, посмотрим фильм или что-нибудь еще после того, как ты занесешь свои вещи?

– Отлично, мам.

После развода мы с Калобом продолжаем жить вместе. Это разумно, ведь я пока еще не определилась, что делать дальше, но мамино состояние ухудшается, и я понимаю, что настало время вернуться домой. Нужно позаботиться о ней в ее последние дни и дать передышку Джорджи, а когда неизбежное случится, привести дом в порядок и выработать дальнейший план действий.

Это трудно, зная, что мое будущее под большим вопросом. В этом году мне исполнится двадцать шесть, но как и в восемнадцать, я по-прежнему ни черта не смыслю в этой жизни. Возможно, в этом и заключается правда взросления, о которой никто не хочет говорить – мы все идем наугад.

Я упорно стараюсь не смотреть на соседний дом. Я знаю, что он и сейчас там живет, мама время от времени о нем упоминает. Иногда я думаю, что ей любопытно наблюдать мою реакцию. Я никогда не рассказывала ей о нашей истории с Тайером. Да и какой смысл? Мое сердце было разбито, и между нами все кончено.

Я заносу в дом свои вещи, даже не взглянув на соседний участок.

Это ложь. Я туда заглянула, одним глазком. И увидела домик на дереве на заднем дворе и крышу теплицы.

– Ты все принесла? – доносится из гостиной тихий скрипучий голос мамы.

– Да. Сейчас отнесу часть наверх.

– Хорошо. А я пока... дам... глазам... отдохнуть.

На кухне она меня не видит, и я даю волю слезам.

Она ускользает. То, что могло бы стать долгой жизнью, теперь измеряется неделями, часами, минутами, *секундами*, и каждая из них драгоценна.

Глава вторая

Салем

Моя комната почти не изменилась, хотя я почему-то ожидала, что мама ее как-нибудь преобразует. Там чисто: мы с Джорджией платим уборщице, которая приходит сюда раз в неделю. Нигде ни пылинки. Постель свежая, уголки покрывала хрустят.

Поскольку мама спит и в ближайшее время смотреть кино не собирается, я раскладываю одежду и туалетные принадлежности и звоню Калебу.

– Привет, – говорит он. – Нормально добралась?

– Да. Спасибо, что спросил.

– Как мама?

Я вздыхаю, потирая лоб.

– Спит. Она слабее, чем я ожидала.

– Мне жаль, – искренне произносит он. Мы хоть и расстались, но Калек все равно один из самых добрых людей, которых я знаю.

– Уж как есть, – тихо отвечаю я и сажусь на край кровати напротив окна, у которого часто сидела вместе с Калеком.

– Кое-кто пытается вырвать у меня телефон, – шутит он.

Я тоже смеюсь.

– Передай ей трубочку.

– Мамочка! – Голос дочери – как бальзам на рану. Благодаря ей я сразу чувствую себя лучше, она меня заземляет.

– Привет, детка. Как прошел день?

– Хорошо. Папа забрал меня из школы, и мы сходили в магазин. Я купила леденец.

На заднем плане раздается смех Калеба.

– Это же наш секрет.

– Ой, – хихикает она.

Сэда стала неожиданным сюрпризом, который оставил мне Тайер. Она стала подарком, которого я хотела и в котором нуждалась, сама не отдавая себе в этом отчета. А теперь я ее мама и чувствую себя супергероем.

– Я уже по тебе соскучилась, – улыбаюсь я.

– Я тоже по тебе скучаю, мамочка. Поцелуй бабушку, ты всегда говоришь, что от поцелуев становится лучше.

О, черт. Я сейчас заплачу. Как бы я хотела, чтобы слезы помогли моей маме, но сомневаюсь, что волшебные поцелуи помогут побороть рак.

– Я ее поцелую, – обещаю я дочери. – Люблю тебя.

– Люблю тебя, мамочка! – Она кладет трубку, и телефон замолкает.

Когда я возвращаюсь вниз, мама еще спит, поэтому я решаю приготовить ужин. Джорджия говорит, что в последнее время мама ест мало, но я должна хотя бы попробовать.

Обыскивая шкафчики, я натываюсь на бутылку вина. Вероятно, Джорджия припрятала ее до того, как в очередной раз забеременела. Я наполняю бокал, готовлю ужин и пью вино. Я не большой любитель выпить, но сегодня мне необходимо успокоить нервы.

– Салем? – зовет мама, и я отворачиваюсь от кипящей кастрюли.

– Да? – Я удивлена, что она проснулась. Я ожидала, что придется ее разбудить.

– Ты не принесешь мне воды?

Я беру стакан, соломинку и подношу к ее губам. Она жадно пьет, в ее глазах благодарность. Я ставлю стакан на место и спрашиваю:

– Тебе что-нибудь еще нужно? Я готовлю ужин.
– Нет, воды было достаточно. – Она ласково поглаживает мою руку. – Мне жаль, что я уснула и мы не посмотрели фильм.
– Все в порядке. Посмотрим за ужином.
У нее грустный взгляд, и мне интересно, о чем она думает.
– Ты счастлива, Салем? Что-то не похоже.
– Я счастлива настолько, насколько это возможно сейчас.
– Да. Наверное, ты права.
Я печально улыбаюсь и выхожу из комнаты, чтобы закончить приготовление ужина.
Когда все готово, я несу две тарелки со спагетти и чесночным хлебом в гостиную. Подперев маму подушками, я ставлю поднос на ее колени и устраиваю ее поудобнее, после чего сажусь сама.

Идет фильм, но я не обращаю на него внимания.

Потом я убираю грязную посуду. Мама едва притронулась к своей тарелке, но я знаю, что она старалась съесть как можно больше.

Через несколько минут я возвращаюсь из кухни в гостиную и вижу, что мама спит.

Уже поздно, поэтому я выключаю телевизор, укрываю ее одеялом, убеждаюсь, что у нее есть вода и что телефон на всякий случай лежит рядом.

– Я люблю тебя, мама. – Я целую ее лоб и смахиваю слезу. Потом тихо поднимаюсь по лестнице, принимаю душ и ложусь в постель. День был долгим, и мне нужно отдохнуть.

* * *

Возвращаясь с утренней пробежки, я вхожу в кухню через боковую дверь и улыбаюсь, когда вижу маму за столом. Ее лицо не такое серое, как накануне, на щеках румянец, и я надеюсь, что она хорошо выспалась.

– Привет, – улыбаюсь я, поправляя хвостик. – Ты проголодалась?

– Я поела хлопьев, – отвечает она, листая журнал.

– Знаешь, – мягко говорю я, – тебе не следует передвигаться без посторонней помощи.

Есть риск упасть, и ей об этом известно. Но, думаю, в ее ситуации я тоже проявляла бы упрямство. Трудно выдерживать необходимость того, чтобы другой человек помогал тебе делать элементарные вещи, например, ходить в туалет или мыться.

– На мне нескользящие носки.

– Мама, – произношу я строгим тоном и начинаю варить кофе, – ты же знаешь, что так не делается.

Она вздыхает.

– Сегодня утром я чувствовала себя хорошо. Я хотела двигаться самостоятельно.

– Будь осторожна, – прошу я.

– Салем, – тихо произносит она мое имя. Я стою к ней спиной, беру кружку для кофе и поворачиваюсь. – Ты ведь знаешь, что я умру, да?

Я опускаю голову. Я знаю. Джорджия знает. Мы все знаем.

– Да.

– У меня так мало времени, и эти последние дни я хочу чувствовать себя собой. Хорошо? – Я киваю и изо всех сил сдерживаю слезы, которые так и рвутся наружу. Это самое худшее – оплакивать кого-то, кто еще жив. – Я тут подумала, – продолжает она. – Мы могли бы испечь сегодня кексы. Раз уж я хорошо себя чувствую.

Мои плечи напрягаются. Я не пекла кексы с тех пор, как в последний раз готовила их для Тайера. После этого я к ним не притрагивалась, поскольку они напоминали мне о нем.

– Мы... мы могли бы испечь, да.

Я не собираюсь отказывать в просьбе своей умирающей маме.

– Давай испечем кексы из песочного теста. Они всегда были твоими любимыми. Наш сосед Тайер тоже их любит. Я всегда выпекала их понемногу, пока не заболела.

– Д-да, – заикаюсь я. – Я помню, он их любил.

Она внимательно смотрит на меня, и я выдерживаю ее взгляд.

– Он хороший человек. Ужасно, что ему пришлось пережить такую трагедию. Его бедный сын. Я бы на его месте переехала, а он до сих пор живет в этом доме.

– Мама, – пытаюсь я сменить тему, – тебе дать что-нибудь попить или что-то еще?

– Нет. – Она закрывает журнал и кладет его на стол. – Он косит мой газон, – продолжает она говорить о Тайере. Я не хочу о нем слышать. Не хочу знать. Это слишком больно, но я не могу сказать об этом маме. Стоя спиной к ней, я добавляю в кофе сливки и сахар. Руки дрожат, но я знаю, что с того места, где она сидит, этого не видно. – Он иногда заходит. Ему одиноко, и мы выпиваем. . .

– Он тебе нравится? – Вопрос вырывается прежде, чем я успеваю спохватиться, и я тут же морщусь.

Даже не хочу представлять Тайера, ухаживающего за моей мамой. Меня стошнит.

– Господи, да нет же! – Она смеется, но смех переходит в кашель. Я сажусь напротив и внимательно наблюдаю за ней, чтобы убедиться, что она в порядке. – Но мне приятно, что есть с кем поговорить. Ты переехала на другой конец страны, Джорджия занята работой и семьей. Мне нужен был друг.

– Я рада, что вы были друг у друга.

Проклятый Тайер Холмс. Значит, разговаривать и дружить с моей матерью он может, а со мной нет?!

Я думаю о том, сколько времени я потратила, пытаюсь убедить его открыться мне. Я знала, что он меня любит, как и я его, но, видимо, этого было недостаточно, и я оставила попытки. Я не могла в одиночку исправить то, что сломалось. Ему тоже нужно было приложить немного усилий, а он этого не сделал.

– Когда мы испечем кексы, отнеси ему несколько штук.

Я стучу пальцами по столу и заставляю себя улыбнуться.

– Звучит здорово.

Прошло шесть лет. Я должна была его забыть. Идти дальше своей дорогой.

Но вряд ли можно уйти от своей единственной настоящей любви.

Глава третья

Салем

На кухне пахнет кексами, и я солгу, если скажу, что не поддаюсь слабости и не съела парочку. На вкус они такие же, как в моих воспоминаниях, и печь их было приятно. Это как езда на велосипеде. А я даже не позволяла себе осознать, как сильно мне этого не хватало.

– Мне нужно... ненадолго присесть. – Мама задыхается, слабость снова подкрадывается.

– Нет проблем. – Я обхожу барную стойку и протягиваю ей руку. Я веду ее в гостиную и чувствую, как она перекладывает на меня свой вес. – Хочешь на диван или на кровать?

– На кровать, – подумав, отвечает она.

– Хорошо. – Я помогаю ей лечь на ее специальную кровать и накрываю одеялами. – Отдыхай, мама. – Я целую ее лоб.

– Не забудь отнести кексы Тайеру.

Я подавляю стон.

– Не забуду.

Я возношу безмолвную молитву, чтобы его не оказалось дома. Ее веки тяжелеют, и когда я выхожу из комнаты, она уже дремлет.

У меня звонит телефон. Джорджия.

– Привет. – Я включаю громкую связь, чтобы во время разговора прибраться на кухне. – Как дела?

– Как мама сегодня?

– Утром было немного сил, но сейчас она дремлет. Мы испекли кексы.

– О. – Я слышу в ее голосе улыбку. – Отлично.

– Я тоже так подумала. – Я загружаю посудомоечную машину.

– Спасибо, что приехала и осталась с ней. Я знаю, ты не хотела, и я тебя не виню.

Я понимаю, ты не хочешь иметь...

– Джорджия, она наша мама. Тебе не нужно меня благодарить. Я хочу быть здесь. Мне нужно быть здесь.

Она прочищает горло, и я чувствую, что она немного задыхается.

– Мне пора возвращаться к работе. Позвоню позже.

– Мы в порядке. – Джорджия – медсестра, а я – нет, но это не значит, что я не способна позаботиться о нашей маме. А у сестры и без того забот хватает.

– Может, я заскочу к вам после смены, привезу фастфуд или что-нибудь еще.

– Просто дай знать.

Мы прощаемся и завершаем звонок. Кухня сияет чистотой, и мне не остается ничего другого, как отнести тарелку с кексами Тайеру.

Я знаю, что это неправильно, но меня раздражает, что он дружит с моей мамой. С ней он общался, а мне ни разу не позвонил.

Придурок.

Я выкладываю кексы на тарелку и накрываю их пленкой. Глазурь слегка помялась, но мне все равно. Сделав глубокий вдох, я впервые за много лет готовлюсь встретиться с Тайером. Я смогу, я справлюсь. Я сильная женщина. Я ни одному мужчине не позволю заставить себя чувствовать подавленной.

Только вот когда я обхожу забор, на его парковке нет машины. Наверное, это... к лучшему.

Но пока я живу у мамы, это не имеет значения. Рано или поздно я с ним непременно столкнусь, и я не знаю, что почувствую в тот миг.

* * *

Джорджия входит в дом через боковую дверь с пакетами еды. Ее комбинезон натянут на животе, и я не в силах сдержать улыбку.

– Ух ты! Можно потрогать? – воркую я, забираю у нее пакеты и ставлю на стол.

– Давай, – вздыхает она и выпячивает живот. – Этот весь в отца. Никогда не затихает. Я вся измучилась. Пинается и не дает спать по ночам.

– Ты узнала, что это мальчик?

Она улыбается от уха до уха.

– Да, на днях. Три мальчика, представляешь? Я всегда думала, что буду мамой девочки, но знаешь, я бы по-другому и не хотела. – Она кладет ладонь на живот рядом с моей. – Разве ты не хочешь еще одного?

– По-моему, сейчас у меня всего ровно столько, сколько я в состоянии вытянуть.

– Даже не представляю, как ты выдерживаешь разлуку с ней, – продолжает она. – Я знаю твои доводы, но... – Мы обе смотрим в сторону гостиной, где по-прежнему спит наша мама. Она спит с тех пор, как легла.

– Меня убивает, что я так далеко от нее, но ей не стоит видеть бабушку такой. – Я показываю на все медицинское оборудование и на спящую, хрупкую фигуру мамы. – Она слишком маленькая. Она с Калемом, в его надежных руках, и мы при любой возможности общаемся по FaceTime¹.

Джорджия качает головой, достает коробку с картошкой фри и запихивает в рот целую горсть.

– Я была в шоке, когда ты сказала, что вы разводитесь. Я всегда считала, что у вас все хорошо. Этот парень пошел тебе навстречу и женился, когда ты родила от другого.

Я опускаю голову. Для наших родных не секрет, что моя дочь не от Калеба. Мы не хотели лгать ни им, ни ей, но никто, кроме Калеба и Лорен, не знает, кто настоящий отец Сэды.

Я до сих пор помню, сколько ненависти выплеснула на Калеба его мать, когда мы ей об этом сообщили. Она не понимала, как он принял меня обратно, *женился* на мне и согласился воспитывать чужого ребенка.

После этого она перестала с ним разговаривать. Даже на свадьбу не явилась.

Я себя за это так и не простила. Мне она никогда особо не нравилась, но она мама Калеба. Мне не хватило духу спросить его, связывалась ли она с ним после нашего развода.

– Калев – хороший человек, – говорю я сестре, роясь в пакетах с едой. – Но он не тот, кто мне нужен.

Она качает головой и прищелкивает языком.

– Прости, но ты дура.

– Я знаю, – смеюсь я и достаю завернутый бургер.

Поверьте, я прекрасно осознаю все свои ошибки и грехи, и отношения с Калемом очень болезненны для меня. Хуже всего то, что он по-прежнему мой лучший друг. Зато в какой-то степени это облегчает ситуацию с Сэдой. Она – его дочь. Родителей определяет не только ДНК, но и отношение, а Калев – лучший папа для нашей девочки. Он никогда, ни разу не обращался с Сэдой как с чужой.

– Как думаешь, ты останешься здесь или переедешь обратно в Бостон после того, как мама?... – шепотом спрашивает Джорджия.

– В Бостон я не вернусь, – выпаливаю я. Мне никогда не нравились большие города, и за последние несколько лет я ими досыта наелась. – Но пока не знаю, останусь ли здесь.

¹ FaceTime – приложение для видеозвонков.

– Это хороший дом, – задумчиво произносит Джорджия, озираясь по сторонам. – На случай, если решишь остаться.

– Вряд ли я смогу здесь жить.

Дело не только в Тайере, хотя и в нем тоже. Это дом нашей мамы, и я сомневаюсь, что когда-нибудь почувствую, что он мой.

– Да. – Джорджия печально опускает голову и переводит взгляд туда, где в соседней комнате дремлет мама. – Понимаю. Я тоже не уверена, что смогла бы. Кристи, – добавляет она, – одна из моих подруг-медсестер, сказала, что в эти выходные может остаться с мамой на день и ночь. Я подумала, ты захочешь использовать это время, чтобы увидеть Сэду, но решила сначала обсудить это с тобой.

– Было бы здорово, – честно признаюсь я и чувствую облегчение.

Я знаю, что Сэда в надежных руках Калеба, но я ненавижу быть вдали от моей маленькой девочки. Я не хочу, чтобы она видела, как умирает моя мама. Смерть неизбежна, но ни один ребенок не должен видеть, как кто-то любимый разрушается у него на глазах. Не то чтобы я не разрешала ей видиться с мамой, но я против того, чтобы она проводила здесь сутки напролет. Кроме того, у нее в Бостоне школа. Я не собираюсь ее оттуда выдергивать за несколько недель до конца учебного года.

– Отлично, я дам ей знать. Она прекрасный человек и замечательная медсестра, так что не волнуйся. Маме будет обеспечен наилучший уход.

В этом вся Джорджия: она бывает слегка диковатой, но всегда о нас заботится.

– Я люблю тебя, – говорю я.

– Ох, я тоже тебя люблю. И я рада, что ты вернулась, даже если и ненадолго.

– Спасибо. Я тоже рада, что я вернулась.

Удивительно, но это даже не ложь.

Глава четвертая

Салем

Подъехав к местному продуктовому магазину, я остаюсь в машине и не решаюсь выйти на улицу. В холодильнике дома мышь повесилась, и я хочу купить какой-нибудь еды, но боюсь заходить в супермаркет, потому что непременно столкнусь там с кем-нибудь из знакомых, а маленькие городишки обожают драмы. Мое возвращение в город после развода – новость номер один для всех.

Чтобы не ломать голову в супермаркете, я перед выходом из дома составила список необходимых продуктов.

Решив все-таки пробежаться по магазину, я хватаю сумочку, выпрыгиваю из своего кроссовера и несусь внутрь, низко пригнув голову. Хватаю тележку и направляюсь в продуктовый отдел. Я перемещаюсь с космической скоростью и уверена, что со стороны это выглядит забавно. Но чем быстрее я все куплю, тем быстрее я отсюда уйду и тем меньше шансов, что меня кто-то остановит.

Я дохожу до отдела замороженных продуктов и смотрю на мороженое, когда кто-то проносит мое имя.

– Тельма, – искренне улыбаюсь я, хотя она и любопытная зануда. – Как поживаешь? И ты, Синтия. Рада вас видеть.

– Ты вернулась к маме? – Я киваю. – Жуть какая. Она такая молодая... то есть молодая для людей моего возраста, и...

– Мне пора к ней, так что... – Я быстро лезу в холодильник и хватаю первую попавшуюся баночку мороженого. – Я пойду.

– Ты уже видела своего мужчину?

– Кого? – Мое сердце колотится. Я точно знаю, о ком она говорит.

– Не притворяйся, девочка. – Она щелкает пальцем, ее глаза сверкают. – Ты точно знаешь, о ком я.

– Нет, не знаю.

– Ха. Интересно.

Я пожимаю плечами.

– У него своя жизнь. – Прошло шесть лет, и я нисколько не сомневаюсь, что его жизнь идет своим чередом.

Она хохочет, как будто услышала смешную шутку.

– Ну ты и насмешила, девочка моя. Этот мужчина... – Она качает головой. – Нет у него никакой своей жизни. И вряд ли она есть у тебя. – Она оглядывает меня с головы до ног. – Иначе ты бы вернулась раньше.

С этими словами она с Синтией разворачиваются и уходят.

Я смотрю вниз на мороженое, которое выбрала. «Орео» с арахисовой пастой. Фу, гадость. Я кладу его обратно и беру мороженое с кусочками песочного печенья. Вот так-то лучше.

* * *

– Мама, я дома! – кричу я и приношу первую партию продуктов. Я пыталась ухватить все за один раз, но быстро поняла, что это невозможно. – Ты проголодалась? Хочу сделать сэндвичи с курицей на ужин.

Я ставлю сумки на пол и выглядываю за угол. Она медленно поворачивает голову и зевает.

– Я не голодна.

– А как насчет мороженого?

Она морщит нос, и я вижу, что от одной мысли ей противно.

– Нет.

– Ничего страшного, – сдержанно произношу я. – Есть что-нибудь, чего бы ты хотела? – Она качает головой, ее взгляд устремлен в окно. Больно осознавать, что она ускользает от меня, секунда за секундой. – Если передумаешь – дай знать. – Я не собираюсь на нее давить, но надеюсь, что позже мне удастся ей что-нибудь скормить.

Я заносу в дом последние сумки и испытываю облегчение от того, что мне удалось сделать это, не столкнувшись с Тайером. Я понимаю, что встречи с ним не избежать, но я хочу максимально оттянуть этот момент. Это позиция слабого, но я никогда не утверждала, что когда дело касается его, я веду себя как сильный человек.

Я раскладываю продукты и приступаю к приготовлению ужина.

– Может, посмотрим фильм? – предлагаю я и сажусь с тарелкой на диван.

– Я хотела спросить... – начинает она и прочищает пересохшее горло. Я вскакиваю и протягиваю ей воду. – Ты не считаешь мне книгу? Есть одна книга, которую я хочу прочесть, но...

– Какая? – Я оглядываюсь по сторонам в поисках книги.

– Вот она. – Она указывает на журнальный столик. – Я попросила Джорджию достать ее для меня, но так и не открыла.

Я беру книгу, сажусь, поджав под себя ноги. Когда я начинаю читать, она улыбается. Я мысленно запечатлеваю этот момент, зная, что он останется в моей памяти навсегда.

Глава пятая

Салем

– Мамочка!

Сэда несется ко мне, как только я открываю дверь в дом. Она летит прямо на меня, и я приседаю и ловлю ее.

– Девочка моя, – шепчу я, вдыхая ее запах – аромат травы от игры на улице, перемешанный с арбузным шампунем.

– Я так скучала по тебе, мамочка. – Она обнимает мягкими ручками мои щеки. – Как бабушка? С ней все хорошо?

– Хорошо. – Я опускаю ладонь на ее руку. – Но у нее осталось не так много времени.

– Когда я смогу ее навестить? Я по ней скучаю. Я нарисовала для нее рисунок. Я покажу. – Она убегает – предположительно за рисунком.

Я поднимаюсь и вижу, как Калев выходит из кухни и прислоняется к арке.

– Она только и говорила, что о твоей маме.

Я выдыхаю, даже не подозревая, что все это время сдерживала дыхание.

– Я старалась ей объяснить, но вряд ли она до конца осознает, что происходит.

– Ей пять лет, – напоминает он, перекидывая через плечо полотенце. – Есть хочешь? Я собираюсь убрать остатки ужина.

– Умираю с голоду.

Сэда подбегает ко мне с листком бумаги.

– Смотри, мамочка! Видишь, это бабушка в своей кровати, – она указывает на фигурку с желтыми волосами, – а это мой брат. Он ангел и ждет ее.

Я крепко сжимаю зубы, чтобы не разрыдаться. Мы с Калевом сделали так, что Сэда знает о Тайере и Форресте. Она знает, что Калев – ее отец, но у нее имеется и другой, который загрустил, когда ее брат умер, и из-за этого не смог присутствовать в ее жизни. Ситуация крайне сложная, и объяснить все так, чтобы она поняла, порой очень трудно.

Когда она была малюткой, я отдала ее на уроки безопасного плавания. Я хотела убедиться, что в ее арсенале будут все средства, которыми она сможет воспользоваться в случае чего.

Я обнимаю ее и опускаю подбородок на ее макушку.

– Да, малышка. Он ее ждет.

Она обвивает мою шею крошечными ручонками (хотя они уже не крошечные, но, наверное, дочь всегда будет казаться мне малышкой).

– Он позаботится о том, чтобы с ней все было в порядке, так что не плачь, мамочка. – Она обнимает мое лицо и заглядывает в глаза. У нее глаза, как у Тайера, теплые, цвета шоколада. – Плакать можно, – повторяет она то, что я все время ей говорю, – но мне не нравится, когда ты грустишь.

Я целую ее в щеку.

– Я не грущу, детка. Я просто очень тобой горжусь. – Я стою и крепко держу ее рисунок. – Мамочка проголодалась. Хочешь посидеть со мной, пока я ем?

– Я хочу еще порисовать перед сном.

Я смеюсь, когда она убегает. Очевидно, я скучала по ней больше, чем она по мне.

Калев раскладывает по тарелкам приготовленный им ужин и ставит его в микроволновку.

– Я могла бы и сама это сделать. – Я достаю из холодильника газировку.

– Знаю. – Он упирается руками в столешницу, его мышцы напрягаются. – Как твоя мама? – тихо спрашивает он, чтобы Сэда не услышала.

Я качаю головой и сажусь на барный стул.

– Не очень хорошо, что и следовало ожидать, но она разговаривает и немного передвигается самостоятельно – в основном потому, что упряма и при каждом удобном случае отказывается от помощи.

Калевб усмехается, достает из микроволновки тарелку, ставит ее передо мной и кладет рядом вилку.

– Это так похоже на Элисон.

– Обещаю: как только все закончится, я слезу с твоей шеи. – Я не могу удержаться и обвожу взглядом кухню, шкафы, которые я выбрала, когда мы делали ремонт, контейнеры в горошек для муки и сахара, которые я купила, чтобы добавить интерьеру изюминки.

Калевб закатывает глаза и берет пиво.

– Мы все еще друзья. Мы всегда будем друзьями. И, – по его лицу пробегает тень, – даже если этот идиот снова возникнет в поле зрения, я всегда буду в жизни Сэды. Ни тебе, ни ему ее у меня не отнять.

– Успокойся, – говорю я, подцепляя вилкой кусок мясного рулета. – Мы это уже обсуждали. Я никогда так с тобой не поступлю. Сэда тебя любит. Да, ты не ее родной отец, но ты ее отец во всех других важных аспектах. Я как никто другой понимаю, что ДНК не делает отца отцом.

Калевб опускает голову и смотрит на меня из-под ресниц.

– Спасибо.

Сэда – единственное, из-за чего мы спорили во время развода. Калевб боялся, что я ее у него заберу и он ее больше не увидит. Я никогда не поступлю так жестоко. Когда Тайер погряз в своем горе и я не смогла до него достучаться, Калевб взял ответственность за меня и за нее. Отняв у Калеба Сэду, я причиню боль не только Калевбу, но и своей дочке.

– Прости, – добавляет он и приглаживает светлые волосы. – Ты вернулась в тот дом, и мне от этого неспокойно.

– Эй. – Я протягиваю через барную стойку руку и сжимаю его ладонь. – Тебе не о чем беспокоиться. Только не по поводу Сэды.

– Пойду посмотрю телевизор, – хрипло произносит он.

– Ладно.

Я заканчиваю ужинать в тишине и убираю тарелку в посудомоечную машину. На кухне чистота, поэтому я направляюсь в игровую комнату на первом этаже, где, я уверена, найду Сэду. Она увлеченно водит карандашом по бумаге, создавая очередной шедевр.

– Время купаться, – с порога объявляю я.

– Ну ма-ам...

– Никаких «ну». – Я качаю головой, давая понять, что спорить бесполезно. – Закончишь рисовать – и сразу в ванну, а потом в кровать.

– Почитаешь мне сказку на ночь? – она бросает на меня озорной взгляд.

– Одну. – Я поднимаю палец и шевелю им. – И только одну. На большее ты меня сегодня не уговоришь. – Я высовываю язык, и она хихикает. Мы обе знаем, что я легко даю слабину, когда дело касается ее. Я не то чтобы тряпка, просто очень люблю проводить время со своей девочкой. Сейчас она ребенок, но эти моменты так быстротечны. Я хочу наслаждаться ими и создавать с ней особые воспоминания. Тем более кто знает, будут ли у меня еще дети. Эта тема также подтолкнула меня к разводу. Калевб хочет еще детей, и я не стану ему препятствовать.

Пока Сэда заканчивает рисовать, я с сумкой поднимаюсь наверх, в комнату для гостей, куда перенесла свои вещи несколько месяцев назад. Калевб уговаривал меня остаться в главной спальне, говорил, что его вполне устроит комната поменьше, но я напомнила ему, что в отличие от него не собираюсь здесь жить.

– Привет, Бинкс. – Мой любимый кот дремлет на покрывале, и я глажу его по голове. – Я по тебе скучала.

Он открывает зеленый глаз и смотрит на меня. Я знаю, что он злится за то, что я уехала. Он тоже скучал, но вместо того, чтобы теперь требовать любви и внимания, он молча смотрит на меня. Чертовы коты.

Я распаковываю одежду, которую постирала у мамы, и перекладываю разные вещи. Иногда достаточно немного разнообразить свой гардероб, чтобы добавить в жизнь перчинки. Я устала за неделю и не могу дождаться, когда лягу в постель, но сначала хочу провести время с Сэдой.

Когда я выхожу из спальни, она поднимается по ступенькам.

– Я закончила и готова принять ванну. – Хотя по ее голосу это не скажешь.

– Иди выбери, какую пижаму наденешь, и начнем.

– Хорошо! – кричит она уже более радостно.

Я включаю в ванной свет, затыкаю слив пробкой и пускаю воду, предварительно убедившись, что она не слишком горячая и не слишком холодная.

В ванную вбегает Сэда с ярко-розовой пижамой принцессы.

– Вот эту.

Она бросает вещи на пол и быстро раздевается без каких-либо подсказок с моей стороны.

– Ты уже знаешь, какую книгу хочешь почитать? – спрашиваю я и намыливаю ее волосы.

– Ту, что про принцессу Сэду, – хихикает она, откидывая голову назад. Она любит, когда я втираю шампунь в кожу головы.

– Почему меня это не удивляет? – Я улыбаюсь ей и слегка пощипываю за щеку. Когда она была маленькой, моя мама подарила нам книгу с персонажем по имени Сэда, и она стала ее любимой.

– Это моя любимая, мам, – с чувством произносит она, как будто я этого не знаю, а для пущей убедительности закатывает глаза.

Ей пять, а скоро будет пятнадцать.

После того как я вымыла ей волосы, а она тщательно потерла себя губкой, я достаю ее из ванны и заворачиваю в полотенце.

– Играем в яйца! – кричит она и бежит в свою комнату, стуча ножками по полу.

Я бегу за ней с пижамой в руках. Она падает на пол и накрывается фиолетовым полотенцем.

– Что это? – говорю я, обходя вокруг нее. – Это яйцо? Какое необычное, огромное яйцо. И... фиолетовое? Хм. – Я прижимаю палец к губам. Она извивается всем телом, и я громко ахаю. – О, боже, она двигается. – Я усмехаюсь, когда замечаю Калеба. Он наблюдает за нами с порога и тоже улыбается. – Видишь это загадочное яйцо? Посмотри, оно шевелится!

– Я сейчас тресну! – кричит Сэда и раскачивается еще сильнее. – *Хрусть*. – Она сбрасывает полотенце и встает. – Смотри, мамочка! Это Сэда! – Она трясет мокрыми волосами, как собака.

– Вы только посмотрите! Кто бы мог подумать, что в яйце находилось именно это! – Она хихикает. – Время пижамы. – Я протягиваю ей футболку, а она замечает Калеба и улыбается. – Ты видел, папочка? Я была яйцом!

Он смеется.

– Видел. Ты мое любимое яйцо. – Его глаза находят мои, и я чувствую в них боль. Мы в хороших отношениях, но это не меняет того факта, что он не хотел развода и по-прежнему любит меня.

– Мама почитает мне сказку. Ты ей поможешь? Мне нравится, когда вы читаете вместе.

Он смотрит мне в глаза, проверяя, не против ли я. Я киваю.

– Конечно, малышка. – Он поднимает мокрое полотенце и бросает его в корзину для белья.

Сэда берет свою книгу и забирается в кровать, а мы с Калобом располагаемся по обе стороны от нее. Она держит книгу, листает страницы и изо всех сил старается читать вместе с нами. К тому времени, как мы заканчиваем, ее веки тяжелеют. Мы целуем ее в лоб и укладываем на ночь.

В коридоре Калоб смотрит на меня, словно хочет что-то сказать, но не решается. Он уходит по коридору и возвращается вниз.

Я трусиха. Я не иду за ним и не спрашиваю, что у него на уме. Вместо этого я ложусь спать, потому что так проще.

Глава шестая

Салем

– Мама? – кричу я, заходя в дом.

Кристи позвонила мне полчаса назад, когда я была в дороге, и сообщила, что все в порядке, но ей пришлось уехать, не дождавшись моего приезда.

При подъезде к дому я упорно игнорировала припаркованный рядом фургон. Он больше того, что был у Тайера, но мне удалось притвориться, что я его не заметила, и использовать волосы как щит.

– Я здесь, милая, – отзывается из гостиной мама.

– Привет, – облегченно вздыхаю я. Сегодня цвет ее кожи немного теплее, она даже слегка покраснелась и выглядит менее уставшей, хотя и лежит в постели. На ее коленях поднос, и она раскрашивает рисунок. – Красиво, – комментирую я, глядя на цветочный узор. Она заполняет его оттенками фиолетового и синего. – Сэда прислала это тебе. – Я роюсь в сумке в поисках рисунков.

– О. – Мама берет их, улыбается и рассматривает каждый лист. – Как мило с ее стороны. Вы хорошо провели время?

Я киваю, сажусь на диван и снимаю сандалии.

– Да, но с ней всегда хорошо. Даже когда она сводит меня с ума, я безумно ее люблю.

Мама улыбается, в уголках ее глаз появляются морщинки.

– Быть родителем – самый удивительный опыт в жизни. Но это занятие не для слабо-нервных.

– Точно. – Я содрогаюсь, вспоминая мальчиков Джорджии. Однажды она мне сказала, что старший поймал мышь и притащил ее в дом. Даже Бинкс так не делает.

– У Калеба все хорошо?

Хотя мама полностью поддержала мое решение о разводе, она любит Калеба и привыкла следить за его жизнью.

– Он в порядке.

– Он с кем-нибудь встречается? – спрашивает она, невозмутимо раскрашивая рисунок, словно не задала мне только что важнейший вопрос.

– Не знаю. – Я беру из кучи на полу несколько книжек-раскрасок. – Мы о таких вещах не говорим. Он волен встречаться с кем угодно, если хочет.

– Он все еще тебя любит?

Мое тело напрягается.

– Мама, – с мольбой в голосе произношу я.

– Это серьезный вопрос, Салем. – Она смотрит на меня таким материнским взглядом, выгнув брови, что я не смею не ответить.

– Да. – Я перелистываю страницы, она сверлит меня глазами, но я упорно ее игнорирую.

– Ты поступила правильно. – Ее слова застают меня врасплох, и я резко вскидываю голову. Она снова смотрит на меня со слабой улыбкой. – Я знаю, ты его любишь, но он любит тебя сильнее. Отпустив его, ты поступила правильно.

Я выдыхаю, мои руки дрожат.

– Я думала, что если постараюсь и приложу больше усилий, то полюблю его так, как он любил меня.

– Но ты так и не смогла.

– Нет, – отвечаю я, хотя это был не вопрос. – Когда он заговорил о детях, я просто... – Я протираю губы, подыскивая нужные слова. – Я больше не могла так продолжать. Он удивительный, он самый лучший, и я его люблю, но не так, как он того заслуживает.

Я смотрю вниз на страницу, на которой остановилась, черно-белое изображение размыто от застилающих глаза слез. Я никогда, никогда не хотела причинить боль Калебу. Ни тогда, ни сейчас. Но я не идеальная, никто из нас не идеальный, и заблуждается тот, кто думает, что это так. Мы все совершаем поступки, которыми не гордимся. Я никогда не пожалею о том, что была с Калемом. Но я сожалею о том, что не любила его достаточно сильно. Хуже всего то, что если бы я не встретила Тайера и не узнала, что такое душераздирающая, всепоглощающая любовь, то, думаю, из нас с Калемом получилась бы хорошая пара.

Но я встретила Тайера, и это мгновение навсегда изменило траекторию моей жизни.

– Пожалуйста, не плачь! – умоляет она и тянется к коробке с салфетками, стоящей на столике рядом с кроватью.

Я беру у нее салфетку и промакиваю глаза.

– Я ужасный человек, мама. Самый дерьмовый в мире человек. Он так меня любит. Почему я не могу отплатить ему тем же?

Она смотрит на меня с сочувствием.

– Милая, – говорит она мягко, в ее глазах жалость, – ты должна себя простить. Ты поступила правильно.

– Какая разница, правильно или нет. – Я вытираю слезы, которые текут рекой. – Я заставила его страдать.

– Страдания – это временно.

– Правда? – Я беззлобно смеюсь, думая о том, что прошло шесть лет с тех пор, как Тайер разбил мое сердце. Те страдания и боль до сих пор со мной, но все было бы иначе, не будь у меня нашей дочери. Она – лучшее, что есть в этом мире, но также она каждый день напоминает мне о нем.

– Ты сильная.

– Мама. – Я качаю головой. – Это ты сильная.

Она смеется.

– Так может, мы *обе* сильные? Согласна?

– Согласна. – Я вытираю нос салфеткой.

Мама смотрит на меня с беспокойством.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, Салем. Я всегда этого хотела.

– Я счастлива, – настаиваю я, поскольку это правда. Могу ли я стать счастливее? Да. Но я не несчастна.

– Ты довольна. А это немного другое.

Она права.

– Однажды я найду то, что сделает меня счастливой.

– Найдешь. – Она грустно улыбается. – Я просто хочу застать это время.

Еще одна рана добавляется на мое и без того израненное сердце.

* * *

Я просыпаюсь в семь утра и отправляюсь на пробежку. Кошмары мне больше не снятся. Вернее, снятся, но редко. Я вернулась в терапию, но от некоторых привычек нелегко отказаться, и бегать по утрам – одна из них. Просто теперь я не выбегаю в пять утра.

Я вставляю наушники и включаю плейлист для разминки. Вместо того чтобы повернуться и пробежать перед домом Тайера в том направлении, в котором я обычно бегала, я раз-

ворачиваюсь и бегу в противоположную сторону. Мне никогда не нравилась эта дорога, она более холмистая, но страх не позволяет мне выбрать прежний маршрут.

К середине дистанции я уже вся в поту, а волосы упрямо лезут из хвоста. Я сворачиваю на улицу, которая приведет меня домой, когда замечаю движущегося мне навстречу бегуна. Высокий, плотный. Очевидно, мужчина.

Мои замедляются одновременно – я перед маминым домом, а он перед... Я вытаскиваю наушники и раскрываю рот. Передо мной человек, которого я не видела много лет.

– Тайер, – выдыхаю я его имя.

Он качает головой, рассматривая меня. В его карих глазах вспыхивает удивление.

– Салем.

Глава седьмая

Салем

Стоящий передо мной мужчина и похож и не похож на того, от которого я ушла. Ему тридцать семь, почти тридцать восемь, если я правильно посчитала в уме. Я слишком ошеломлена, чтобы здраво рассуждать. На его висках и щеках легкий намек на седину. Я и не думала, что седые волосы способны меня возбуждать, но в случае с Тайером так оно и есть. Его карие глаза смотрят на меня с такой же жадностью, с какой я смотрю на него. Морщинки вокруг них стали более заметны, зато сами глаза горят ярче, чем когда я видела его в последний раз.

Тогда был конец лета, и моя надежда угасала. Я в последний раз пришла к нему домой, я умоляла встать и жить дальше, потому что именно этого хотел бы Форрест. Но он топил боль в алкоголе и ускользал от меня. Что бы я ни делала, этого было недостаточно. В конце концов я позвонила его брату, сказала, что он нужен Тайеру, и вернулась с Лорен в Нью-Йорк. Мне нужно было думать о ребенке, а это означало быть сильной, даже когда мне хотелось все бросить. Я осматриваю его одежду и обувь для бега, отчаянно пытаюсь побороть растущую улыбку.

– Привет, – произношу я, не придумав ничего поумнее.

Его глаза продолжают меня изучать.

– Привет.

Я жду, что в груди поселится неловкость – в конце концов, это же *Тайер* и я не видела его целую вечность, но все происходит естественно. Как всегда.

Он выглядит не так, как я ожидала. Я думала, что сейчас он выглядит еще хуже, чем в тот последний раз. Но тогда он горевал, а теперь каким-то образом вытащил себя из этого... и исцелился. Он *красивый*. И здоровый. Почему-то от этого мне еще больше за прошедшие шесть лет.

– К-как дела? Как жизнь? – спрашивает он в нехарактерной для него манере; он взволнован и застигнут врасплох. Судя по всему, мама, несмотря на дружбу с ним, не предупредила его о моем возвращении в город.

Я распускаю свой потный хвост, торопливо расчесываю пальцами пряди и закручиваю их в низкий пучок на затылке. Его глаза следят за моими движениями, и мне интересно, чувствует ли он, как я нервничаю. Столько всего проносится в моей голове, а на кончике языка вертится: «*У меня ребенок, и он твой!*» Но я думаю, что в *данной* ситуации действовать следует более тонко.

– Я... ну... просто живу.

Вау, как красноречиво, Салем. Ну конечно же, ты живешь. А что-нибудь еще глупее не придумала?

– Я слышал, ты вышла замуж. – Он прищуривается и поднимает руку, прикрывая глаза от лучей восходящего солнца.

Это не вопрос.

Я поднимаю левую руку и демонстрирую пустой безымянный палец.

– И развелась.

– Он идиот.

Я смеюсь, искренне и от души, и этот хохот освобождает.

– Нет, это я идиотка. – Я смотрю на землю и пинаю носком ботинка гравий на тротуаре. Легкомысленная восемнадцатилетняя девочка внутри меня вопит от восторга, как будто я разговариваю с предметом своей влюбленности. Но другая, более взрослая и разумная часть меня кричит, что нужно отступить и защитить себя от этого человека. – Это я попросила развод.

– Почему? – Он поджимает губы, в его глазах и удивление, и любопытство, и он пытается скрыть эти чувства. Я бы хотела, чтобы он этого не делал. Его так трудно читать, и я ценю каждое мгновение, когда мне удастся разгадать ход его мыслей.

– Потому что я никогда не буду любить его так, как он любит меня. Калев замечательный, но он не мой человек. Я уже отдала свое сердце другому.

О, боже! Почему я проболталась?! Ну почему я не могу держать рот на замке?

В глазах Тайера жгучий интерес.

– Правда?

– Да. – Я пытаюсь не улыбаться и терплю неудачу. – Теперь спросишь про того парня?

Он оказался придурком.

Тайер откидывает голову назад и смеется, смеется, смеется. Это музыка для моих ушей.

– Полагаю, ты имеешь в виду меня.

– Да, – не колеблясь, отвечаю я.

Он опускает голову, на его губах играет едва заметная улыбка.

– Я это заслужил.

Мое изумление сменяется паникой. Это *Тайер*. Человек, которому я отдала сердце, душу, все. Уходя от него, я была разбита и сломлена.

Мой брак с Калевом хотя и распался, но именно *он* помог мне снова встать на ноги.

– Я... рад тебя видеть, – хрипло произносит Тайер.

– Я тоже.

Мы неловко стоим друг перед другом и ждем, что другой что-нибудь сделает или скажет.

Я нарушаю молчание:

– Мне нужно поведать маму.

– Точно. – Он кивает и отступает на шаг, ближе к своему участку. – Она пригласила меня сегодня на ужин. Я уже согласился – я не знал, что ты здесь, она не предупредила. Я позвоню ей позже и откажусь.

Я закатываю глаза и шумно вздыхаю.

– Я взрослая, Тайер. Не обращай со мной, как с фарфоровой статуэткой. То, что ты разбил мне сердце, не значит, что я до сих пор страдаю. Приглашаю тебя на ужин. – Я рада, что в моем голосе звучит уверенность, которой во мне нет.

– О. – В его глазах удивление. Неужели он ожидал, что я размякну и разрыдаюсь у его ног, увидев его снова? – Тогда я приду, если ты не против.

– Я не против. – Я не даю ему шанса ответить и ухожу, а возле двери останавливаюсь и оборачиваюсь. Он по-прежнему стоит на углу парковки. – Приходи не позднее пяти.

Он плавно облизывает губы, пряча растушую улыбку.

– Что принести?

– Только себя.

– Это я могу.

Я киваю и тянусь к дверной ручке.

– Хорошо.

Я вхожу, закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней.

Какого черта?! Я не видела этого мужчину несколько лет, а сегодня мы будем вместе ужинать – и все благодаря моей маме.

Это так странно!

Глава восьмая

Тайер

Я закрываю входную дверь и стою в коридоре, потрясенный.

Салем вернулась в город.

Она вернулась.

Она в разводе.

И я понятия не имею, как долго она здесь пробудет.

Мне предстоит ужин с ней и ее мамой. Я не могу отделаться от мысли, что Элли все подстроила. О нас с Салем она знала со дня рождения Форреста в том году. Думаю, теперь, когда Салем развелась, она исполняет роль свахи.

Потирая рукой подбородок, я иду на кухню, беру бутылку воды и опустошаю ее несколькими жадными глотками.

Мне трудно осознать, что Салем здесь.

Теоретически расставание с ней должно было пройти легко, ведь с ней я провел меньше времени, чем с бывшей женой. Но вышло наоборот. Я не ожидал, что мои чувства к ней окажутся такими сильными.

Я двигался и развивался – не в физическом плане, а в духовном. Я смирился с тем, что она вышла замуж и живет своей жизнью, пока я здесь прозябаю.

Но судьба подкинула мне сюрприз, а значит, черт возьми, возможно, у меня появился второй шанс написать нашу историю любви.

Глава девятая

Салем

Я накрываю стол на троих и расставляю приготовленные мной блюда на барной стойке, чтобы не загромождать стол и чтобы мы с Тайером могли обслуживать себя по принципу шведского стола. Для мамы я соберу тарелку, чтобы она слишком долго не стояла на ногах.

– Пахнет вкусно.

Голос мамы доносится из дверного проема, и я быстро вскидываю голову.

– Мам, прежде чем вставать, попроси о помощи.

Она пренебрежительно машет рукой.

– Я еще не умерла. – Это ее единственный аргумент.

Мои плечи опускаются.

– Я бы хотела, чтобы так оно и оставалось как можно дольше.

– Мне нужно было пописать, – возражает она.

– Раз уж ты встала, тогда подходи и садись. Я приготовлю тебе тарелку. – Спорить бесполезно. Она слушается, только если у нее совсем нет сил.

– Я не голодна.

Прищурившись, я смотрю, как она отодвигает стул, напротив которого сервирован один прибор. Следовательно, мне придется сесть рядом с Тайером или передвинуть остальные тарелки, что будет выглядеть странно.

– Я положу на твою тарелку всего понемногу. Попробуй поесть, хотя бы по кусочку.

Она кивает, хотя на ее лице отвращение.

– Зачем ты пригласила Тайера на ужин, если не хочешь ужинать?

– Я поступила по-соседски, Салем. Он хороший человек.

– Он тебе нравится? – я отворачиваюсь к раковине вымыть руки.

Она насмешливо фыркает.

– Я умираю, Салем. У меня нет времени любить кого-то в том смысле, на который ты намекаешь. Но он мне нравится как человек.

– Хм, – хмыкаю я.

Без одной минуты пять раздается стук в боковую дверь. Я поворачиваю замок и впускаю Тайера. Не могу удержаться и оглядываю его с ног до головы. Его волосы еще влажные после душа. Я жадно рассматриваю легкую щетину на его подбородке, на этот раз с близкого расстояния. Его глаза напоминают теплый шоколад, в котором так и хочется раствориться. От него пахнет одеколоном, как будто сегодня вечером он с особой тщательностью приводил себя в порядок.

Нет! Остановись! Не позволяй этому мужчине снова сделать тебя слабой до дрожи в коленях! Он уже достаточно тебе навредил.

Но я ничего не могу поделать.

Я смотрю на него другими глазами, более взрослыми. Я больше не та неожиданно забеременевшая девятнадцатилетняя девушка, до смерти напуганная. Оглядываясь назад, я понимаю, что приняла решение, которое, как я считала, я должна была принять. Был ли это лучший выбор? Возможно, и нет, но жизнь – это череда выборов, и в моменте ты не всегда знаешь, хорошо поступаешь или плохо. Ты просто делаешь то, что можешь, используя ту информацию, которая у тебя есть.

Тогда я ужасно боялась стать мамой, но у меня ни разу не возникло вопроса, оставить ли ребенка.

После смерти Форреста Тайер погрузился в депрессию. Это объяснимо, но вытащить его из этого состояния *в одиночку* я не могла. Я знала, что он должен был сделать это *сам*. А я была обязана позаботиться о том, что мой ребенок рос в безопасности, и я сделала это наилучшим образом, даже если для этого мне пришлось отпустить Тайера.

Я думала... Я думала, он меня найдет. *Позвонит. Напишет сообщение.* Отправит ко мне гребаного почтового голубя, в конце концов, но он ничего не сделал, а я чувствовала себя использованной и выброшенной на помойку.

– У меня что-то на лице?

– О! – Я отпрыгиваю в сторону и ударяюсь об угол барной стойки. – Ой!

– Осторожно. – Чтобы поддержать, он берет меня за запястье. От его прикосновения мою руку пронзает разряд тока.

– Я в порядке. – Я осторожно вырываюсь из его объятий, не желая выдавать свои чувства.

Он меня отпускает и протягивает бутылку вина, а я и не заметила, что она у него в руках.

– Я не знал, что на ужин, но не хотел заявиться с пустыми руками.

– О, какая прелесть. – Мама улыбается. – Спасибо, Тайер. Разве это не мило, Салем?

– Очень мило, – на автомате повторяю я и отворачиваюсь. – Схожу за бокалами.

Если бы я была уверена, что это не так, я бы поклялась, что мама пытается сосватать мне этого красавчика. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что он разбил мне сердце или что он отец Сэды. А раз они друзья, интересно, знает ли он, что у меня есть ребенок? Я думаю, что нет, иначе он бы об этом упомянул, когда мы говорили о моем замужестве.

Тайер болтает с моей мамой, а я ставлю на стол бокалы. Я набираю для мамы тарелку с едой и опускаю ее перед ней.

– Возьми себе тарелку сам, – говорю я Тайеру.

– Салем! – ругает меня мама.

Мои щеки вспыхивают.

– Я имела в виду, что он может выбрать все, что захочет.

Повернувшись к ним спиной, я беру тарелку и начинаю накладывать еду. Я не слежу за тем, что делаю, пока Тайер не говорит:

– Сомневаюсь, что курицу следует накрывать картофельным пюре. – Его длинный палец указывает на соус, который я приготовила и который должна была черпать ложкой вместо пюре, и я возвращаюсь к реальности.

От ужаса я закрываю глаза. Теперь для него очевидно, что даже спустя годы я к нему неровно дышу. До сих пор безнадежно в него влюблена Бог знает по какой причине.

Он разбил твое сердце! Он его разбил, и все-таки оно трепещет в моей груди при виде Тайера. Я ненавижу его. Я ненавижу себя. Я ненавижу все *это*. То, что он здесь, на кухне моей мамы. Что она умирает. Что Сэда в Бостоне. Я просто...

– Вот, давай я помогу. – Он забирает у меня тарелку, отделяет жареную курицу от картофеля и делает все как надо.

– Может быть, я хотела, чтобы пюре было поверх курицы, – ворчу я.

Он вскидывает бровь.

– Вот как?

– Ну... нет.

Не дожидаясь, пока я скажу что-нибудь еще, он докладывает в мою тарелку еды и несет ее к столу.

– Ты собираешься садиться? – спрашивает он, выдвигая для меня стул.

– Гм-м, да.

Мне не нравится, что он так со мной возится. Как будто я не в состоянии различить, где верх, где низ, где право, а где лево.

Я сажусь, и он задвигает мой стул, а я тихо пишу от удивления. Неужели он не понимает, насколько все это странно? Мама уткнулась в свою тарелку, но я успеваю заметить улыбку на ее губах.

– Чему ты улыбаешься?

– Ничему.

– Лгунья, – ворчу я.

Она насмешливо вздыхает, и вздох переходит в кашель, который заставляет меня насторожиться. К счастью, он прекращается до того, как я успеваю разволноваться.

– Нельзя называть умирающую женщину лгуньей.

– Почему? – Я знаю, что Тайер слушает наш разговор, но мне все равно. – Если туфелька подходит...

Она улыбается. Тайер отодвигает стул рядом со мной, его рука касается моей. Он садится. Мое предательское тело дрожит. Я знаю, что это заметно.

– Ты в порядке?

Я стараюсь изобразить улыбку:

– Великолепно. Просто немного прохладно.

Он с недоумением смотрит на меня, ведь в доме совсем не холодно. Мама вечно мерзнет и отказывается включать кондиционер.

– Аромат потрясающий. Ты приготовила ужин?

Я поворачиваюсь к нему и вскидываю бровь.

– А кто же еще? Ай. Ты меня пнула.

Мама невинно моргает в ответ.

– Вовсе нет.

Тайер смотрит то на маму, то на меня, явно забавляясь.

– Я ценю твое приглашение, Элисон.

– Я уже говорила тебе... – она кашляет, и моя рука с вилок мгновенно опускается, – зови меня Элли.

– Элли, – повторяет он. – Точно, извини.

– Ты в порядке? – спрашиваю я ее.

Джорджия упоминала, что иммунная система нашей мамы сейчас не работает и она более чем когда-либо восприимчива к болезням.

– Я в порядке. Только в горле немного першит.

Я напряженно смотрю на маму, и даже Тайер выглядит обеспокоенным.

В такие моменты я понимаю, что она умирает. Что бы я ни делала, с каким бы упрямством она бы ни сражалась, это ее последняя битва и счастливого исхода не будет.

Одно дело – знать, другое – быть свидетелем этого.

– Может, тебе прилечь?

Она ковыряет еду в своей тарелке.

– Я в порядке.

– Мам, если тебе лучше лечь...

Мы сидим напротив нее, и она смотрит поочередно то на меня, то на Тайера.

– А что? Может, мне и правда стоит прилечь.

Я вскакиваю, чтобы помочь, но Тайер возвращает меня на место.

– Я ее отведу, – тихо произносит он.

Прежде чем я успеваю возразить, он обходит стол, помогает маме подняться и провожает ее в гостиную.

Я сижу, уставившись в свою тарелку, чтобы она не видела моих слез. Возвращается Тайер, и его стул скрипит по покрытому линолеумом полу.

– Ты не обязан оставаться, – бормочу я, не глядя на него.

– Я голоден, – хрипло произносит он. – И не собираюсь отказываться от домашней пищи. Я слишком устаю и ленюсь, чтобы готовить, и чаще всего заказываю еду навынос.

Я поворачиваюсь к нему, оценивая его фигуру. Он похудел.

– Не похоже, чтобы ты питался нездоровой пищей.

Его бровь изгибается, а губы дергаются в улыбке.

– Проверяешь меня?

– Не льсти себе.

Он усмехается и подносит ко рту вилку с картофельным пюре.

– Ты сделала его на скорую руку.

Это не вопрос, но я все равно отвечаю:

– Да. – Я заставляю себя проглотить немного пюре.

– Ты случайно не знаешь, откуда несколько дней назад у моей двери появились кексы? – спрашивает он таким тоном, будто уже знает ответ, так что лгать смысла нет.

– Я испекла их вместе с мамой, и она попросила меня отнести несколько штук тебе. Вот и все.

И не нужно искать в этом скрытый смысл. Он кивает и вытирает губы.

– Салем, я...

– Не сейчас. – Сейчас я *не могу* говорить. Только не тогда, когда в соседней комнате моя умирающая мать. Сейчас все мое внимание принадлежит ей. Не Тайеру.

– Нам нужно поговорить.

Нам нужно поговорить о гораздо большем, чем он думает.

Я мысленно возвожу вокруг своего сердца стену. Только так я смогу общаться с Тайером. Я *не хочу*, чтобы он добрался до меня с такой легкостью. Не в этот раз.

– Ты помнишь? – ледяным тоном произношу я. – Помнишь тот день, когда мы виделись в последний раз? Что ты мне сказал?

Он морщит лоб и выглядит смущенным.

– Смутно.

– Ты сказал, что ненавидишь меня. – Он в ужасе бледнеет. – Честно говоря, это было самое мягкое из того, что ты сказал. Да, ты был пьян и убит горем, но перед этим я переживала и другой вид насилия и не хотела, чтобы ты ранил меня словами.

– Салем... Я не... Черт, я не могу поверить, что так сказал. – Он качает головой.

– Я знаю, что нам нужно поговорить, – невозмутимо продолжаю я. – Но я не могу говорить сейчас, когда увидела тебя впервые за столько лет. – Я встаю, оттолкнув тарелку и не глядя на него. – Что-то у меня аппетит пропал. Закрой за собой дверь.

Я выхожу из кухни, прохожу мимо спящей мамы и поднимаюсь наверх. Я закрываю дверь спальни и поспешно опускаю жалюзи. Делаю все возможное, чтобы отгородиться от ненавистных слов, которые он наговорил мне той ночью.

Он умер из-за тебя.

Я отвлекся, думая о тебе, и вот его нет. Это ты его убила. Это твоя вина.

Я ненавижу тебя. Убирайся.

Лучше бы я тебя никогда не встречал.

Последняя фраза навсегда оставила шрам на моем сердце. Остальные слова причиняли боль одному Богу известно какую, но я знала, что это слова сломленного отца.

Я сворачиваюсь калачиком на кровати и засыпаю.

Утром все остатки еды убраны, на кухне чистота.

На столе записка.

«Прости меня. Т.»

Глава десятая

Тайер

Утром я открываю глаза, и первая моя мысль: «Я сказал ей, что ненавижу ее? Какой же я гребаный ублюдок!»

Салем вправе меня ненавидеть. Я знаю, что после смерти Форреста обезумел от горя. Такое ни один родитель не должен пережить. Бывают дни, когда горе и боль возвращаются с полной силой. Тогда я звоню своим ребятам и предупреждаю, что меня не будет на работе, а сам часами просиживаю в домике на дереве или хожу на его могилу.

Если бы только я не был таким ленивым ублюдком и построил для него домик! Может быть, тогда... *может быть, тогда.*

– Черт, – со стоном произношу я и хватаюсь за голову.

Я стараюсь не пускать свои мысли по этому пути, но иногда мне это не удается. Я выдергиваю из постели свою ничтожную задницу и иду в душ.

Мое тело жаждет разрядки; я больше не могу игнорировать свой ноющий член. При виде Салем во мне пробудились желания, которые, как я считал, давно уснули. Плотно обхватив основание, я поглаживаю его вверх-вниз, перекатывая запястье вокруг головки.

Я не собирался этого делать, но перед моим мысленным встает Салем. Так было всегда. Даже когда не должно было быть. Даже когда я все разрушил.

Разрядка происходит быстро и мощно, и я в изнеможении прислоняюсь к стене душа. Я заканчиваю мыться и одеваюсь на работу. Натянув рубашку «Ландшафтный дизайн Холмса», я достаю кепку и солнечные очки. Те самые, что подарила мне Салем.

Они разошлись и все в царапинах, и мне давно нужна новая пара, но я отказываюсь с ними расставаться. Такой уж я сентиментальный дурак.

Зашнуровав ботинки, я спускаюсь и съедаю миску хлопьев. Не самый здоровый завтрак (особенно учитывая то, что мой выбор пал на хлопья с сахаром), но ничего. Сегодня утром у меня нет времени на что-то другое.

Обычно перед отъездом я еще заглядываю в свою оранжерею, но сегодня я потратил время на другое и уже не успеваю туда заскочить.

Быстро сполоснув миску, я беру ключи и спешу к своему фургону. Я не успеваю съехать на дорогу, как в динамиках раздается телефонный звонок. На большом дисплее высвечивается «Лейт».

Мне не хочется разговаривать сейчас с братом, но до работы ехать сорок пять минут, так что можно немного и поболтать. Нажатием кнопки на руле я отвечаю на его звонок и приветствую его простым «Привет!».

– Ты трезвый? – спрашивает он и смеется.

Это его обычное приветствие.

Я закатываю глаза. Он в курсе, что я уже много лет не пью. У меня нет проблем с алкоголем, но после смерти Форреста я налегал на него слишком сильно. Он стал для меня наркотиком – заглушал чувства и помогал уснуть.

Теперь я держусь от него подальше. После выпивки чувствуешь себя так паршиво, что оно того не стоит.

– Я всегда трезвый.

– А я всегда предпочитаю проверить, ты уж прости.

– Зачем звонишь?

– Могу – и звоню.

– Я уже еду на работу, так что если у тебя что-то важное – выкладывай.

Он усмехается.

– Немного терпения, Тайер. Неужели мне нельзя просто позвонить и узнать, как дела у старшего брата?

– Извини, я сегодня опаздываю, и меня это напрягает.

Что меня напрягает, так это то, что я не могу выбросить Салем из головы.

– Что-то мне не верится, что твои мысли об этом.

Со стоном я щиплю себя за переносицу. На светофоре загорается красный, и я останавливаюсь.

– Салем вернулась.

Это все, что я могу сказать. После того, как она позвонила Лейту много лет назад и он пришел мне на помощь, я обязан ему это сообщить. В ответ этот гад смеется и никак не может остановиться.

– О, ты в жопе.

– Почему? – выдыхаю я сквозь стиснутые зубы.

– Не прикидывайся дурачком, братан. Все эти годы ты был зациклен на ней. Она все еще замужем?

– Нет, – со вздохом признаюсь я.

– Нет? Тогда хорошо. Почему у тебя такой недовольный голос?

– Вдруг я опять облажаюсь? – помолчав, произношу я.

– Спокуха, не облажаешься.

– Я этого не хочу, но у меня такое чувство, что нам предстоит многое проработать.

На этот раз молчит он. Затем спрашивает:

– Она того стоит?

– Она стоит всего.

– Тогда скажу так: не упусти свой шанс. Ты заслуживаешь счастья больше, чем кто-либо, кого я знаю.

Брат меня поддержал, и это меня удивляет, хотя и не должно бы. Он всегда меня прикрывал.

– Спасибо. Мне пора.

– Конечно. Скоро увидимся.

Он заканчивает разговор, и весь остаток дороги я размышляю о том, смогу ли у меня исправить свои ошибки и наконец-то получить эту девушку.

Глава одиннадцатая

Салем

– Я скучаю по тебе, – говорю я милому личику на экране телефона, закрывая мамин магазин. Он не работал несколько месяцев, с тех пор, как мама сильно ослабела, но в нем до сих пор остаются вещи, которые нужно перевезти и убрать, прежде чем мы решим, что с ним делать. Разумнее всего его продать: Джорджия работает медсестрой и не собирается содержать антикварную лавочку, а я... ну, я не знаю, чем буду заниматься. Глупо, но меня корбит от идеи избавиться от него. Этот магазинчик – первое, что наша мама сделала для себя.

– Я тоже скучаю по тебе, мамочка, – улыбается Сэда. – Папа сказал, что у нас на ужин пицца!

– Ммм, звучит аппетитно. – Я отпираю машину и ставлю на заднее сиденье коробку со старыми свечами.

Сомневаюсь, что сохранился хоть какой-то аромат, но мне не хочется оставлять их в магазине. Глупо, я знаю. Я перестала изготавливать свечи, когда уехала из города, а при виде коробки у меня защемило в груди.

Я не готова возвращаться домой, поэтому перехожу на другую сторону улицы. Джорджия заехала за мамой и отвезла ее ужинать к себе домой. Меня тоже пригласили, но я отказалась, чтобы зайти в магазин. Спешить мне некуда, и я решаю, что прогулка по центру нашего городка пойдет мне на пользу.

– А что у тебя на ужин?

– Пока не знаю.

– Я бы хотела, чтобы ты поела с нами пиццу.

– Знаю, детка.

– Когда мне можно будет навестить бабушку?

Я поджимаю губы.

– Не знаю.

Может быть, я придумаю, как привезти маму к Сэде. Я не могу допустить, чтобы она приехала сюда и Тайер увидел ее прежде, чем я успела его предупредить.

Хотя... у Сэды светлые волосы, и вряд ли кто-то заподозрит, что Калев *не* ее отец. По крайней мере, если смотреть на нее издали. Но я-то знаю. Я подмечаю в ней черты Тайера каждый день. Изгиб губ, форма щек, выражение лица, которое появляется, когда она о чем-то думает.

Но чаще всего я вижу Тайера в ее глазах. Таких же карих, теплых и умных, как у него.

– Папа сказал, что пиццу привезли! – Она вскакивает и бежит с телефоном в руке. – Я люблю тебя, мамочка!

– Я тоже тебя люблю. – Она кладет трубку, экран темнеет.

Я иду по улице, рассматривая старые и новые магазины. Что-то заставляет меня войти в один из них, я открываю дверь и вдыхаю аромат лаванды и эвкалипта.

– Подождите, я сейчас подойду! – раздается радостный голос.

Я беру кусок домашнего мыла и нюхаю его.

Шорох ткани заставляет меня поднять глаза. Высокая женщина лет тридцати-сорока оги-бает стол и подходит ко мне. На ее голове шапка темных кудряшек, а одета она в расклешенные джинсы и простую белую футболку. Ее запястья украшают браслеты и звенят, когда она двигается.

– Здравствуйте, – она оглядывает меня с ног до головы. – Я вас здесь раньше не видела.

Люблю маленькие городки: если люди тебя не узнают, они сразу тебе об этом сообщают.

– Я жила здесь подростком. А сейчас вернулась присматривать за мамой. Она владеет антикварным магазинчиком «Бурное прошлое».

– О. – Ее улыбка слегка тускнеет. – Элисон такая милая. Жаль, что у нее рак.

– Да. – Я опускаю голову и беру стеклянную банку с солью для ванн с лавандой. – У вас прелестный магазинчик.

– О, спасибо! – Встрепенувшись, она снова радостно сияет. – Это была моя мечта – иметь собственный магазин.

– Что бы вы посоветовали купить? – Я указываю на витрину со всевозможными средствами для ванны.

– Если любите пенные ванны, то вот это и это. – Она берет в руки два предмета и протягивает их мне. Один из них – соль, но с ароматом апельсина. Другой – какой-то непонятный брусок. – Это – шампунь. – Она указывает на кусок мыла странной формы. – Знаю, выглядит странно, но с вашими волосами оно сотворит чудеса.

Я смотрю на ее красивые пышные волосы, и у меня нет повода ей не верить.

– Хорошо. Тогда возьму оба.

– Отлично! – Она улыбается и несет товар к кассе. – Осмотритесь еще, если хотите, не стесняйтесь. А то я так резко на вас напала.

– Ничего, все в порядке. – Я беру флакон с лосьоном с тем же апельсиновым запахом. – Я возьму еще это. – Я ставлю его возле кассы, кладу на прилавок свою карточку и жду, пока она заворачивает все в коричневую бумагу и кладет в пакет. После оплаты она добавляет в пакет чек.

– Надеюсь, вы сюда еще заглянете. Кстати, я Джен.

– Приятно познакомиться. – Я беру у нее пакет. – Я Салем.

– Ух ты, какое необычное имя! Уникальное. Мне нравится.

– Спасибо. Я к вам еще точно зайду.

Я выхожу на улицу и, немного прогулявшись, отправляюсь в местную итальянскую закусочную. Городок настолько маленький, что такого понятия, как ожидание свободного столика, здесь попросту не существует.

Хозяйка усаживает меня в уголок за маленький столик на двоих, на котором горит свеча. Она кладет на стол меню, и я бормочу:

– Спасибо.

Ходить в кафе в одиночку я приучила себя после развода. У меня всегда были мама, сестра, Лорен, Калев и даже Тайер, с которыми я могла делать что-то вместе, и я знала, что крайне важно привыкнуть выходить в свет самостоятельно. И я стала выводить саму себя в кафе, в кино, то есть в такие места, куда я всегда стеснялась ходить одна. Я втянулась, и мне стали нравиться эти часы наедине с собой.

Я делаю заказ, и вскоре официантка возвращается с бокалом вина, хлебом и маслом, в которое его макать. От аромата хлеба у меня урчит в животе. Я отрываю кусок, макаю его в масло и откусываю.

– Здесь не занято?

Я давлюсь хлебом и кашляю. Тайер смотрит на меня с беспокойством: наверняка боится, что я задохнусь у него на глазах.

– Что ты здесь делаешь? – Я тянусь за стаканом с водой. Пара глотков – и мне уже легче.

Тайер смотрит на меня сверху вниз, его рука лежит на стуле напротив меня. Он все еще ждет ответа – «да» или «нет». Таков уж Тайер. Он не станет на меня давить или делать что-то, что мне не по душе. Если я скажу «нет», он уйдет или пересядет за другой столик и сделает это так, что я не почувствую себя виноватой.

Его губы слегка подергиваются, и я смотрю на них, угадывая улыбку.

– В ресторанах обычно едят.

– Я имела в виду возле моего столика. – Я держу стакан с водой и вижу, что мои пальцы дрожат. Прошло так много времени с тех пор, как я его видела, а он и сейчас способен привести меня в такое состояние, когда внутри все сжимается. Как же меня это раздражает! Я прячу руки под стол и переплетаю пальцы.

Он пожимает плечами, все еще держась за стул, как за спасательный круг. На его мизинце кольцо. Он никогда его раньше не носил, и мне безумно любопытно, почему он носит его сейчас.

– Я увидел тебя и подумал, что мы могли бы поужинать вместе.

– Мы уже ужинали вместе.

– С твоей мамой, – подчеркивает он и выпрямляется. – Все в порядке. Я возьму еду на вынос.

Он отворачивается, чтобы уйти. Я опускаю голову, смотрю на красно-белую клетчатую скатерть и чувствую себя самой настоящей стервой.

– Тайер. – Я вздыхаю и опускаю плечи. Он замирает и поворачивается вполборота. – Садись.

– Ты уверена?

Я киваю.

– Пожалуйста.

Он отодвигает стул и садится. Простая серая футболка непростительно красиво обтягивает его грудь во всех нужных местах. Ситуация гораздо более неловкая, чем в тот вечер у меня дома. Тогда мама служила буфером, а теперь здесь только мы.

– О, я не знала, что к вам кто-то присоединится. Что вам принести, Тайер?

Безусловно, официантка его знает – так всегда в маленьких городках. Это я отсутствовала так долго, что люди перестали меня узнавать.

– Как обычно, – непринужденно отвечает он, не сводя с меня глаз. – О чем ты думаешь?

– Ты сюда часто заходишь.

– Здесь вкусная еда. – Он наклоняется вперед и понижает голос. – Кроме того, я уже говорил тебе, что почти никогда не ем дома.

Я делаю глубокий вдох и выдох, моя грудь дрожит. Ненавижу, что он заставляет меня так нервничать.

Я уже взрослая. Взрослая женщина. Тайер Холмс не имеет права оказывать на меня такое влияние.

Прочистив горло, я беру бокал с вином и делаю глоток.

– Как жизнь?

Он усмехается:

– Сложный вопрос.

– Что это значит?

– Прошло шесть лет, Салем, – напоминает он, словно я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я видела его в последний раз. – За это время много чего произошло. Хорошего. Плохого. Бывали и счастливые дни, бывали и грустные. Вот почему вопрос сложный. Даже не знаю, с чего начать.

– Ты трезв – а это уже кое-что, – произношу я и вздрагиваю.

– Мне жаль, что тебе пришлось увидеть меня в таком состоянии, – прокашлявшись, произносит он.

– Я не хочу, чтобы ты постоянно извинялся за прошлое. – Я отворачиваюсь от него и наблюдаю за пожилой парой за столиком неподалеку от нас. – Не могу представить, в каком состоянии была бы я, если бы это был мой... Если бы я потеряла ребенка, – поправляюсь я.

– Я ходил на терапию. И до сих пор хожу. Раз в месяц. – Он наклоняет голову, заставляя меня посмотреть на него. Я сдаюсь и встречаю взгляд карих глаз, в который влюбилась до смерти, будучи совсем юной. – Это ты меня вдохновила.

– Я?! – Я едва не давлюсь от удивления. – Как?

– Ты сказала, что ходила на терапию для... Ну, ты знаешь, – хрипло произносит он, и я ценю то, что он не произносит этого вслух. – Я знал, что если ты сумела пережить свою травму и обратиться за помощью к терапевту, то и я смогу. Брат мне тоже помог. Он переехал ко мне и больше года жил со мной.

– Правда? – Я в шоке. Да, это я позвонила Лейту, но я не ожидала, что он на такое пойдет.

– Он... я думаю, он испугался, глядя на то, во что я превращаюсь, и не оставлял меня одного до тех пор, пока не убедился, что я иду на поправку. Он сказал, что это ты ему позвонила.

– Ты не позволил мне тебе помочь, а кто-то должен был это сделать.

– Знаю. – Он наклоняется через стол. – Мне невыносима мысль, что я тебя оттолкнул. Что причинил тебе такую боль.

– Тогда почему ты это сделал? – выпаливаю я вопрос, не выходящий у меня из головы на протяжении многих лет. Ведь это было так не похоже на Тайера.

Официантка приносит поднос с нашими блюдами и стаканом воды для Тайера.

– Что-нибудь еще нужно?

– Нет, спасибо, – говорю я и перевожу взгляд на Тайера. – Так что? – спрашиваю я, накручивая на вилку лингвине.

– Я был сломлен, я скорбел по своему ребенку. Я понятия не имел, сколько я пробуду в таком состоянии, а ты была прекрасной и заботливой, и я не хотел утягивать тебя на дно. – Он потирает заросший щетиной подбородок, в его глазах мелькают воспоминания минувших дней. – Я думал, что поступаю правильно, Салем. Это сейчас я понимаю, что это было абсолютно неправильно, но тебе было девятнадцать, и я хотел тебя освободить. Я знаю, что ты бы ждала столько, сколько бы времени мне ни потребовалось, а я просто... не хотел, чтобы ты это делала. Ты заслуживала чего-то большего.

– У тебя не было права решать это самостоятельно, – произношу я спокойным тоном, но в глазах стоят слезы.

– Знаю. – В его глазах тоже блестят слезы.

– Ты разбил мне сердце.

– Знаю. – Он закрывает глаза.

– Ты заставил меня тебя ненавидеть.

Его кадык судорожно вздрагивает.

– Знаю. – Опять это слово, одно-единственное.

Остаток ужина проходит в тишине.

Глава двенадцатая

Тайер

– Нет, ты не будешь платить, – протестует она, когда я достаю кошелек.

– Нет, буду, – невозмутимо настаиваю я.

– Я сама в состоянии за себя заплатить, – ворчит она и достает кошелек.

Я пытаюсь скрыть улыбку.

– Я и не говорил, что ты не можешь.

Мимо проходит официантка, и я передаю ей достаточно денег, чтобы оплатить еду и чтобы осталось на чаевые. Салем смотрит на меня разинув рот.

– Тайер! – рычит она и от раздражения морщит нос.

Не знаю, что это обо мне говорит, что от ее голоса к моему члену приливает кровь. Даже ее раздражение сексуально.

– Теперь уже поздно. – Я пожимаю плечами и отодвигаю стул.

– Можешь отблагодарить меня каким-нибудь другим способом.

Ее щеки розовеют:

– Не стану я с тобой спать.

Вскинув бровь, я смотрю на нее сверху вниз.

– Разве я что-то говорил о сексе?

Она краснеет и заикается:

– Ну, нет. Но...

Я киваю в сторону выхода.

– Я провожу тебя до машины.

Она колеблется, и я ожидаю, что она возразит, но, к моему удивлению, она отвечает просто:

– Хорошо.

Она встает из-за стола, и я опускаю ладонь на ее талию. Это происходит автоматически, словно мое тело не может ее не коснуться. Она смотрит на меня прищурившись. Она оберегает от меня свое сердце, я это чувствую и не виню ее за это.

Я придерживаю для нее дверь и выхожу следом за ней на улицу. Солнце село, в ночном небе ярко сияют звезды. Это один из моих любимейших аспектов жизни в маленьком городе. Здесь ты всегда видишь звезды.

– Моя машина там, у маминого магазина.

Я иду рядом, засунув руки в карманы, чтобы не касаться ее. Оказавшись с ней снова, слишком легко начать вести себя как раньше.

– Спасибо, что заплатил за ужин, – говорит она.

Я не могу скрыть улыбки, и Салем игриво закатывает глаза.

– Не за что.

Я замечаю вдалеке ее машину, и меня охватывает разочарование от того, что наш вечер окончен. Увидев ее в ресторане, я не мог не подойти к ее столику. Я не в силах перед ней устоять. Даже спустя столько времени.

Она бросает на меня короткий взгляд, на ее щеках вспыхивает нежный румянец. Хотел бы я знать, о чем она думает, но я не спрашиваю. У меня нет права знать. Больше нет.

Я останавливаюсь возле ее машины и жду, что она скажет. Она молчит, но в машину не садится.

– Увидеть тебя снова... оказалось совсем не так, как я ожидала, – неожиданно признается она.

– Лучше или хуже? – Я нервно облизываю губы в ожидании ее ответа. Она пожимает плечами и открывает дверь автомобиля.

– Я и сама пока не знаю.

Я стою на тротуаре и наблюдаю, как она заводит свой внедорожник и на прощание машет рукой.

Поколесив некоторое время по окрестностям (в голове вихрем проносятся мысли, но в основном о Салем и о том, какой я жалкий ублюдок), я через час подъезжаю к своему дому.

Я глушу двигатель, но в дом не захожу, а направляюсь к своей теплице. Это место было моей тихой гаванью и моей самой большой мукой.

Вся оранжерея заполнена причудливо распутившимися бледно-розовыми пионами. Изначально я планировал выращивать в теплице самые разные растения. Но спустя год, когда Лейт от меня уехал, когда в голове у меня стало проясняться и когда я узнал, что Салем выходит замуж, я начал выращивать пионы и уже не мог остановиться. Они стали последней нитью, связывающей меня с ней. Я дорожил ими, ухаживал за ними. Я беру маленькие ножницы и начинаю резать.

Я впервые срезаю цветы, если не считать отцветших, которые нужно было удалять, и раскладываю стебли на столе. Я поклялся, что не срежу ни одного цветка. Только для нее.

Честно говоря, я не думал, что этот день настанет, поэтому я собираю букет и улыбаюсь.

Глава тринадцатая

Салем

– Что ты делаешь? – сонно спрашивает мама из дверного проема кухни.

– Мама, – в миллионный раз умоляю я, – позволь мне тебе помочь!

Я обхожу кухонный остров и усаживаю ее на стул. Я понимаю ее потребность в независимости, но, черт побери, это стоит мне столько нервов!

– Ты не ответила на мой вопрос.

Мамы всегда мамы, сколько бы нам ни было лет.

– Я нашла в твоём магазине несколько своих старых свечей. И сейчас я достаю их из коробки. – Я указываю на выложенные на барную стойку свечи.

– О, я их кое для кого отложила.

Я смеюсь, решив, что неправильно ее расслышала:

– Что? Для кого?

– Неважно. – Она пренебрежительно машет рукой. – Отвези их обратно в магазин.

– Почему?

– Потому что за них уже заплатили.

– Ясно. – Я качаю головой и складываю свечи обратно в коробку. – Извини, я не знала.

Я удивилась, что у тебя еще что-то осталось.

Она пожимает плечами.

– Я придержала несколько штук. Это последние.

– Понятно. – Я подбочениваюсь, недоумевая, зачем кому-то оплачивать и просить ее придерживать мои старые свечи. – Ты готова позавтракать?

– Давай омлет. – Говоря о еде, она корчит гримасу отвращения. Даже не представляю, каково это – не испытывать аппетита, но знать, что тебе необходимо что-то закинуть в желудок.

– Сейчас сделаю.

Она натянуто улыбается, но я знаю, что она ценит то, что я рядом и помогаю.

– Я тут подумала. – Она прочищает горло. – Я хотела бы сегодня кое-что предпринять.

Я достаю из холодильника коробку яиц.

– Ты уверена? – Вчерашний вечер она провела у Джорджии. Я не хочу, чтобы она перенапряглась.

– Я хотела бы выйти из дома. Сегодня такой чудесный день!

– Что ты задумала?

Она играет с пояском от халата.

– Я подумала, почему бы нам не навестить Сэду и Калеба.

Я смотрю на нее во все глаза. Вовсе не потому, что она просится в гости к внучке, это так раз понятно.

– Мам, ты уверена, что выдержишь такую поездку?

Туда и обратно несколько часов пути, и она... ну, мягко говоря, не в лучшей форме.

– Проще было бы там переночевать, – кивает она, ее тонкие пальцы продолжают тереть ткань халата. Она застенчиво улыбается. Я знаю, что она чувствует себя виноватой из-за ситуации с Калемом, но я не могу отказать ей в просьбе увидеться с внучкой.

– Давай я сначала спрошу у Джорджии, стоит ли тебе ехать так далеко, а потом поговорю с Калемом.

– Давай.

Я кладу в ее тарелку омлет и кусочек тоста и выхожу из дома позвонить.

На улице тепло, дует легкий ветерок, весело щебечут птицы. Как же я скучала по этому месту! По этому дому. Этому городу. Даже по его жителям.

– Что... – ахаю я, неожиданно обо что-то споткнувшись.

Я смотрю на последнюю ступеньку, и с моих губ срывается испуганный вздох. Передо мной завернутый в крафт-бумагу букет из свежих розовых пионов. Даже не глядя на записку, я понимаю, что они от Тайера. Я поднимаю цветы и разглядываю их. Каждый из них совершенен, здесь нет ни одного увядшего или помятого лепестка. Я оглядываюсь, будто ожидая, что он где-то прячется, но не вижу его. Я не знаю, как относиться к этому знаку внимания. Я не злюсь, но я в замешательстве. Шесть лет. Я шла своей дорогой. Начала новую жизнь. Он *ни разу* не вышел со мной на связь. Он меня даже не искал, а теперь будто хочет продолжить с того места, на котором мы остановились, – ну, может быть, не совсем с него, но...

Я качаю головой, кладу цветы обратно и ухожу. У меня нет времени думать о Тайере и размышлять над мотивами его поступков.

Ты хочешь начать все заново? Я пощипываю переносицу. Да. Нет. Не знаю. И незнание – самое страшное из всего.

Я думала, что по прошествии стольких лет влечение ослабеет, но этого не произошло. Меня тянет к нему еще сильнее, и меня это *пугает*. Я не могу допустить, чтобы он опять разрушил мою жизнь.

Одного раза мне достаточно, да и тогда я выкарабкалась лишь потому, что растила нашего ребенка. Я была сильной ради нее. Ради нее я не сдалась.

Я делаю глубокий вдох, выбрасываю из головы все мысли о Тайере и сосредотачиваюсь на текущих делах. Нужно позвонить сестре и Калебу. Я быстро говорю с ними по телефону, поднимаю букет и уношу его с собой.

– Все в порядке. – Я кладу цветы на шкафчик и ищу вазу. – Выезжаем через час.

– Откуда цветы? – с подозрением спрашивает она.

– Понятия не имею, – не менее загадочно отвечаю я.

– Там была открытка? – Я ловко прячу записку: прочитаю ее позже.

– Нет. Скорее всего, они от твоего тайного поклонника. – Она закатывает глаза.

– Ах, да, у меня их ведь тьма тьмушая! Ты права, так и есть.

– Шутница, – хмыкаю я и наполняю вазу водой.

Она смеется:

– Не дерзи.

– Ничего не могу с собой поделаться. – Я осторожно разворачиваю цветы и опускаю их в воду по одному.

– Это твои любимые цветы, – подмечает она. – Как интересно.

– Да. Думаешь, совпадение?

Она качает головой, пряча улыбку. Я смотрю на нее, прищурившись, но она уже отвернулась. Волей-неволей я задаюсь вопросом, а не знает ли она о нас с Тайером. Я не понимаю как, но...

– Если мы через час выезжаем, тебе стоит собрать мои вещи.

Я ставлю вазу в центр стола.

– Когда ты научилась так командовать, мама?

Она ухмыляется и хлопает ресницами, которых почти не осталось.

– Когда умираешь, у тебя нет времени вести себя по-другому.

В моем горле встает ком.

– Ладно, – хриплю я. – Соберу твою сумку – и отправимся в путь.

– Салем, – зовет она, прежде чем я успеваю выйти из кухни.

– Да? – Я оборачиваюсь и смотрю на нее.

– Я знаю... – Она смачивает языком пересохшие губы. – Я знаю, что не позволила себе снова полюбить, но обещай, что ты не закроешь навсегда свое сердце. Если мы чего-то и заслуживаем в этом мире, так это любить и быть любимыми.

Я с трудом сдерживаю слезы.

– Обещаю.

Не знаю, насколько легко будет сдержать обещание, но я постараюсь хотя бы ради нее.

Глава четырнадцатая

Салем

Едва мы успеваем припарковаться возле дома, как дверь открывается. Я ожидала увидеть Сэду, но к нам выходит Калев. Он спускается по ступенькам и направляется к дверце моей мамы.

– Элли, – улыбается он. – Я так рад тебя видеть.

Она гладит его по щеке.

– Я тоже рада тебя видеть. Всегда.

– Тебе помочь?

– Никогда не откажусь от помощи столь милого джентльмена, – шутит она.

Он улыбается, помогает ей отстегнуть ремень безопасности и выйти из машины. Убедившись, что она под его присмотром, я выхожу следом и хватаю ее сумку. Собирать вещи для себя я не стала, поскольку здесь у меня есть все необходимое.

– Где Сэда? – спрашиваю я, когда мы заходим в дом.

Он усмехается, оглядываясь через плечо.

– Хочешь верь, хочешь нет, но она отключилась и дремлет. Она ходила в батутный парк с Мэдди, – упоминает он одну из ее лучших подруг, – и вернулась без сил.

– Сладкая моя, – говорит мама. – Скорее бы ее увидеть!

Калев оглядывается на меня, в его глазах беспокойство. Беспокойство за меня и за нее. Он знает, что смерть мамы станет для меня страшным ударом. Потерять родителя нелегко, даже если ты знаешь об этом заранее. Она была моей советчицей, моей опорой. Она помогла мне пережить самые трудные времена. И сейчас, когда мне больше всего на свете хочется ее за это отблагодарить, я этого сделать не могу, потому что ничто не способно победить смерть.

Калев усаживает ее на диван в гостиной.

– Не желаешь что-нибудь выпить? – спрашивает он у нее.

– Да, воды.

Он улыбается и передает ей плед.

– Устраивайся поудобнее, а я схожу за водой.

Я помогаю маме лечь, укрываю ее пледом и подкладываю под ноги подушку.

– Устала?

– Немного, – с неохотой признается она.

– Отдыхай. – Я целую ее в лоб, ухожу на кухню и наблюдаю, как Калев добавляет в чашку лед, затем воду.

– Как она? По-настоящему, без прикрас?

Я вздыхаю и провожу рукой по волосам.

– Бывают и хорошие дни, и плохие. Я чувствую себя такой беспомощной, Калев. Это все равно что наблюдать за песком в песочных часах и знать, что песок точно закончится. И когда это случится, я потеряю маму. И я... – Я останавливаюсь и чувствую, как слезы жгут глаза. – Я не знаю, как без нее жить.

– Иди сюда. – Он притягивает меня в свои надежные объятия.

Я прижимаюсь головой к его груди, его пальцы нежно перебирают мои волосы. А я плачу и не могу остановиться, и мои слезы впитываются в хлопок его футболки.

– Все хорошо. – Он продолжает нежно водить пальцами по моим волосам. – Поплачь. Я с тобой. – И я знаю, что это так. Он всегда был рядом. Калев – моя скала, моя безопасная гавань. – Ты сильная, – напоминает он мне, – но даже сильным людям время от времени нужно плакать. – И он обнимает меня еще крепче.

– Почему ты так добр ко мне? – Я плачу еще сильнее. Кaleb должен меня ненавидеть. Отталкивать меня, а не притягивать в свои объятия. Но он так добр. Он не из тех, кто отталкивает тебя только потому, что ты разбила им сердце. Я знаю, что где-то на свете есть и его вторая половинка. Не то чтобы я для него не годилась, но я для него недостаточно хороша. От этой мысли я рыдаю навзрыд. Я его не заслуживаю. И хотя я сама попросила развод и уйду от него, я все еще его люблю, и какая-то часть меня всегда будет его любить.

– Потому что, – нежно шепчет его голос, моя голова по-прежнему плотно прижата к его груди, – ты лучше, чем ты думаешь.

– Кaleb... – Я отступаю назад и откидываю голову, чтобы на него посмотреть. Он закрывает мне рот рукой. – Не говори того, что собираешься сказать.

Когда он опускает руку, я спрашиваю:

– Почему ты меня не ненавидишь?

Он отворачивается и качает головой.

– А почему ты ненавидишь себя? – Его вопрос как ножом по сердцу; я над этим никогда не задумывалась.

– Я...

Опустив голову, он шепчет:

– Я тебя простил, Салем. Теперь *ты* прости себя.

Он берет стакан с водой и выходит из кухни. Я понимаю, что он прав, и закрываю лицо руками.

Я так много себе не простила. Я таскаю это за собой, куда бы ни пошла, как мертвый груз, от которого не избавиться. Благодаря его вопросу я поняла, что сама взвалила на себя эту тяжесть и продолжаю ее нести. Я, а не он; он бы никогда этого не сделал. И если Кaleb смог меня простить, то и я найду способ простить себя.

Сделав глубокий вдох, я успокаиваюсь и расправляю плечи.

* * *

Мама устроилась на кровати для гостей, ее взгляд тяжелый от усталости. Подремав, она играла со своей внучкой до самого ужина. Никто из нас не хотел готовить, и Кaleb заказал еду в одном из наших любимых ресторанов. Я не удивилась, что мама только поковырялась в своей тарелке, но почти ничего не съела. Ее тело сдает с каждым днем. Честно говоря, я думаю, что оно сдалось уже давно и только упорство и воля к жизни поддерживают ее.

– Было мило, – зевает она. – Спасибо, что привезли меня сюда. Я так люблю эту девочку. Я глажу ее лоб, словно успокаиваю ребенка.

– Она тоже тебя любит.

– Ты отличная мама. Я в жизни мало что сделала правильно...

– Мама...

– Дай договорить. – Ее дыхание неровное, а рука дрожит, когда она тянется, чтобы коснуться моей щеки. – Но вы, девочки... вы получились потрясающими, несмотря на мои ошибки. – Я закрываю глаза и чувствую, как сквозь ресницы просачиваются слезы. – Мне жаль, – шепчет она, ее пальцы легким перышком касаются моей щеки.

Прочистив горло, я говорю:

– Мне тоже. – Она опускает руку и зевает. – Спи, мам. Я люблю тебя. – Я целую ее лоб, как целую лоб Седы, когда укладываю ее в постель, и выключаю свет.

Закрыв за собой дверь, я крадусь вниз по лестнице и устраиваюсь на ночь на диване. У нас только одна гостевая комната, и я не собиралась заставлять маму спать на диване. Она и так плохо спит.

Я чищу зубы в ванной на первом этаже и надеваю пижаму. Пройдя на кухню, я с удивлением обнаруживаю там Калеба. Он сидит за столом с миской фруктов.

– Я думала, ты лег спать.

Он качает головой и берет кусок арбуза.

– Нет, у меня много дел.

– По работе? – уточняю я и лезу в холодильник за диетической коллой.

Он кивает.

– Это дело отнимает у меня много сил.

– Мне жаль. – Ему не разрешается говорить со мной о работе, иначе я предложила это обсудить. Вместо этого я спрашиваю: – Хочешь, я останусь с тобой?

Он качает головой. Его светлые волосы короткие по бокам и немного длиннее на макушке. Обычно он аккуратно зачесывает их назад, но поскольку он только что из душа, они влажные и более волнистые, чем обычно.

– Я в порядке. А ты иди отдыхай. Уверен, тебе это нужно.

– Спасибо, что разрешил моей маме приехать в гости.

Он закатывает глаза и выглядит искренне рассерженным.

– Я не собираюсь запрещать твоей маме сюда приезжать, кроме того, это место все еще наполовину твое.

– Калев...

– Послушай, – он встает из-за стола, – я знаю, что тебе больше хочется расстаться со мной, чем мне с тобой, но не нужно постоянно мне об этом напоминать, ладно? – В его голосе звучит искренняя боль, которая жжет мое сердце, как открытая рана.

– Я не это имела в виду. – Я качаю головой. – Но ты... ты такой хороший, Калев. Ты отличный парень. Я это знаю, и мне больно, потому что я не хочу, чтобы ты думал, что я пользуюсь твоей добротой.

Он вздыхает и достает из холодильника бутылку воды.

– Ты никогда не задумывалась, что ты тоже не злодей? Иногда у людей не получается построить долгие отношения, но это не значит, что кто-то из них злодей. Это лишь два человека, которым не суждено быть вместе.

– Нет. – Я качаю головой. – Не задумывалась.

– Я не виню тебя за развод, Салем. Я знаю, что ты и сейчас меня любишь, но порой этого недостаточно, я понимаю. Больно ли мне? Конечно. Я представлял свою жизнь с тобой – дом, машины, домашних животных, детей, – он обводит рукой вокруг, – но для меня это не конец. У меня есть маленькая девочка, которая спит наверху в своей комнате принцессы. – Он улыбается, вероятно, вспоминая день, когда мы вместе создавали комнату ее мечты. – И однажды, когда придет время, я встречу кого-то еще. – Он пожимает плечами, вертя в руках бутылку с водой. – Жизнь продолжается. Я не сломлен.

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

– Знаю. Того же я желаю и тебе, но ты не можешь помещать мое счастье в график лишь для того, чтобы тебе стало легче.

Эти слова для меня – как пощечина. Он прав, а я даже не осознавала, что именно это и делаю.

Он тихо выходит из кухни, и я слышу звук его шагов на лестнице.

Я ложусь на диван, но сон так и не приходит.

Глава пятнадцатая

Салем

Когда я подъезжаю к мамину дому, Тайер разгружает продукты. Он прикрывает ладонью глаза от солнца, а я тихо ругаюсь, увидев его в зеркале заднего вида. Он подходит ко мне и стучит в окно. Опустив стекло, я не силах сдержать сарказм:

– Прокуроры здесь не требуются.

Такого он не ожидал. Его губы дергаются, он старается не рассмеяться, но в конце концов сдается.

– Никаких ходатайств. Я хотел узнать, не нужна ли тебе помощь.

Мама прислоняется ко мне сбоку.

– Как мило. Немного помощи нам бы не помешало.

Мне приходится прикусить язык, чтобы не зарычать:

– *Мам.*

Тайер скрещивает руки и опирается о мою машину. Он *совсем рядом*. Я чувствую этот знакомый запах. Он пахнет природой, лесом и скалами. Он настоящий мужчина. Он улыбается. Он знает, что делает, и будет продолжать это делать. Мы поменялись ролями по сравнению с тем, что было шесть лет назад, и мне это не по душе. Должно быть, я вела себя ужасно назойливо. Странно, но что он не дал мне от ворот поворот.

– Почему бы тебе не дать мне ключи и я открою дверь?

– А? – Я ошарашенно моргаю.

– Ключи, – невозмутимо улыбается он. – От дома.

Мама выключает зажигание и протягивает ему ключи.

– Спасибо, Тайер. Так предусмотрительно с твоей стороны.

Он берет ключи и отходит от моей машины, унося с собой свой опьяняющий запах.

Нечестно, что прошло так много времени, а его присутствие до сих пор опьяняет. Его следовало бы запечатать эту силу во флаконы и продавать как смертоносное оружие. И хотя оно работало бы только против женщин, давайте скажем начистоту: без нас от мужчин нет никакого толку.

Пока Тайер отпирает дверь, я выхожу из машины и делаю глубокий вдох в надежде проветрить голову. Потому что при виде Тайера она заполняется туманом.

Я обхожу машину, чтобы помочь маме, но он уже открывает ее дверцу и протягивает ей руку. Он ей помогает, и это не должно меня злить. Но меня это злит.

Он разрушил меня, разбил мне сердце, а теперь ведет себя как ни в чем ни бывало. Я хватаю мамину сумку и слеую за ними, тихо ворча себе под нос. Он усаживает ее в кухне на стул и что-то ей говорит.

Меня раздражает его присутствие. Его помощь. То, что он на моей территории. И самое главное, что он до сих пор будоражит мои чувства. Вот почему я боялась сюда возвращаться. Я волновалась, что мои чувства к нему не остыли. Оказывается, я была права.

Резко дернув дверцу холодильника, я хватаю бутылку диетической колы. Тайер смотрит на бутылку, потом на меня.

– Вода полезнее.

– Мне это уже сто раз говорили.

– Тебе правда следует пить больше воды, Салем. – Моя мама охотно поддерживает акцию «заключем Салем за ее любовь к газировке».

– Прямо сейчас мне хочется выпить именно газировки. У меня могли быть пороки и похуже, согласны? Я могла бы быть маньячкой, убийцей.

Тайер весело смеется.

– Думаю, большинство людей сравнили бы эту зависимость с наркоманией.

– Я не большинство людей.

Он наклоняет голову, не в силах скрыть улыбку.

– Это точно.

– Я очень устала, – объявляет мама. Я поспешно отставляю бутылку и бросаюсь к ней, но путь мне преграждает массивное тело Тайера.

– Хочешь лечь? – спрашиваю я из-за его спины и пытаюсь заглянуть за его широкие плечи, но это возможно, только если я встану на цыпочки и обопрусь на его руку.

– Думаю, это хорошая идея.

– Я ее провожу. – Тайер помогает моей маме подняться. Она идет сама, держась за его бок, но я знаю, что в случае необходимости он тут же ее подхватит.

Она устраивается на своей специальной кровати и устало закрывает глаза.

– Почему бы вам двоим чем-нибудь не заняться? Я буду спать.

– Зачем нам... – начинаю я, но Тайер меня перебивает:

– Отличная мысль, Элли. Ты поспи, а мы скоро вернемся. Позвони, если тебе что-то понадобится.

Еще немного, и из моих ушей повалит пар.

– Ты не можешь просто... – Он кладет руку мне на талию и уводит меня на кухню. – Я никуда с тобой не пойду! – рявкаю я.

– Почему нет? – возражает он и глупо ухмыляется. Больше всего на свете я ненавижу то, что его это *забавляет*. – Нам есть о чем поговорить.

Я расправляю плечи.

– Знаю, но я не хочу обсуждать это сейчас.

– У меня такое чувство, что тебе никогда не захочется это обсуждать. Почему бы нам просто не прокатиться?

– Моя мама...

– Убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое! Мне нужно спокойно выспаться! – услышав наш спор, хрипло кричит она.

Я сердито смотрю на высокого мужчину напротив меня.

– Ладно, – бурчу я. – Поехали.

Он выходит первым, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не хлопнуть дверью. Единственное, что заставило меня принять его предложение – это требование мамы оставить ее в покое. Я знаю, что ее время ограничено, но даже не знаю, как бы я себя чувствовала на ее месте, если бы вокруг меня постоянно суетились люди. Ей нужно дать хоть *немного* побыть одной. Даже если я буду тревожиться до тошноты.

– Чтобы через полчаса я была здесь. – Я решительно указываю на парковку перед домом.

– Ладно. – Он идет спиной вперед, засунув руки в карманы шорт-карго. – Тогда потопрапливайся. У нас двадцать девять минут и... – он смотрит на наручные часы, – сорок восемь секунд.

В жизни не встречала более противного типа.

– Неужели ты всегда вел себя так вызывающе, а я была слишком глупа, чтобы это заметить?

Боль искажает его черты, но он быстро овладевает собой. Мне стыдно за свой комментарий. Но держать язык за зубами рядом с ним никак не получается.

Он открывает фургон, и в нос ударяет запах новенькой кожи. Я забираюсь внутрь, но он не сразу закрывает дверь.

– Ты ненавидишь меня, Салем? – Он явно не шутит. Он серьезен и волнуется.

Я наклоняю голову, и светлые волосы падают вперед и закрывают лицо.

– Нет, – мягко признаюсь я. – Я никогда не могла тебя ненавидеть, Тайер.

Он был моей первой *настоящей* любовью, а, возможно, единственной. Он отец моего ребенка. У меня не получается его ненавидеть. Но это не значит, что все легко и просто.

– Хорошо. Значит, шанс есть. – Его лицо светлеет. Он закрывает дверь и обходит фургон спереди.

Я пропускаю его слова мимо ушей, не желая это обсуждать.

– Куда едем?

Он заводит автомобиль и на полную мощность включает кондиционер.

– Как я уже сказал – прокатиться.

– Хорошо. – Я смотрю в окно на мамин дом. Перед ним цветут пышные кусты гортензии. Я невольно задаюсь вопросом, имеет ли к ним отношение сидящий рядом со мной мужчина. Но спросить не осмеливаюсь.

Вскоре мы уже за пределами города.

– Если я не ошибаюсь, ты хотел поговорить, – напоминаю я. Он едва заметно улыбается.

– Да, но ты не хотела.

– Я заперта с тобой в машине, так что можно и поговорить.

Он трет подбородок.

– Расскажи мне о том, как ты жила последние шесть лет.

На кончике языка вертится вопрос, почему его это вдруг заинтересовало, но я себя одергиваю. Я защищаюсь, и это глупо. Я взрослая женщина, и я поклялась оставить прошлое в прошлом. Но когда я вижу его, когда он рядом, я чувствую внутри себя какой-то конфликт. А я ненавижу, когда меня выводят из равновесия.

– Ну, – я прочищаю горло, – рассказывать особо нечего.

За исключением бомбы в виде ребенка, которую я на тебя рано или поздно скину.

Я не хочу скрывать от него Сэду. Я никогда не собиралась этого делать. Я придумала миллион разных способов сообщить ему о ее существовании, но ни один из них не кажется мне подходящим. Да и вообще вряд ли такой подходящий способ существует. Я просто должна ему сказать, и все.

– Расскажи хоть что-нибудь. Что угодно.

Ему отчаянно хочется узнать, как я жила все эти годы без него.

– Некоторое время я жила с Лорен в Бруклине, устроилась на работу официанткой. Потом вернулась в Бостон и жила в квартире с Каледом, мы обручились. В итоге мы переехали в Калифорнию, чтобы он окончил колледж и начал заниматься юридической практикой. Потом ему предложили работу в Бостоне, от которой было грех отказываться. Вот и все. – Я пожимаю плечами и смотрю в окно, игнорируя его пристальный взгляд.

– Ты училась в колледже?

– Нет.

– Ты работала?

Я была мамой-домохозяйкой.

– Время от времени бралась за случайную работу. Но надолго нигде не задерживалась.

– Ты просто... ага. – Он задумчиво поглаживает подбородок.

– Ты правда считал, что мешаешь мне развиваться?

– Даже после твоей страстной речи мне полегчало от мысли, что я тебя освободил, чтобы ты смогла что-нибудь сделать со своей жизнью.

Во мне вспыхивает гнев.

– То, что я не училась в колледже и не имела постоянной работы, не означает, что я ничего не сделала в своей жизни.

– Прости, – искренне произносит он, – я не хотел, чтобы это так прозвучало.

Я вздыхаю.

– Нет, это ты меня прости. Когда ты рядом, я, кажется, начинаю слегка защищаться. Он улыбается, его пальцы сжимают руль.

– Слегка?

– Ну ладно, сильно. Но я над этим поработаю.

– Мне нравится, что ты злишься.

Я смотрю на него так, словно он потерял разум:

– Тебе нравится, что я злюсь? Ты с ума сошел?

Он мгновение смотрит мне в глаза, после чего возвращает взгляд обратно на дорогу.

– Если ты на меня злишься, значит, тебе не все равно.

Он прав. Я смотрю вниз на свои шорты и голые ноги.

– Я не хочу на тебя злиться, – шепотом признаюсь я.

– Тогда почему злишься? – Я замечаю, как на его лице дергается мускул в ожидании моего ответа.

– Потому что это легче, чем признать правду.

Ужасную, отвратительную правду.

– И в чем же правда?

– Не заставляй меня говорить, – прошу я, качая головой. Я не хочу произносить это вслух.

От этого все становится еще более реальным, а я становлюсь еще более дерьмовым человеком, чем я есть на самом деле.

– Думаю, мне нужно это от тебя услышать.

Я прикусываю губу, сдерживая слезы.

– Я никогда не переставала тебя любить, – почти шепотом произношу я. – Я шла дальше и продолжала жить, но мое сердце осталось с тобой. – Он резко сворачивает на обочину и тормозит, из-под колес вылетают гравий и грязь. Потом медленно поворачивается и смотрит на меня. – Тайер... – начинаю я, но он не дает мне шанса закончить мою мысль. Он одной рукой обхватывает мою щеку, одна секунда – и его губы на моих губах.

Мой мозг хочет дать отпор. *Он причинил тебе боль!* Мой разум вопит, желая, чтобы я его оттолкнула, но я не могу. Мое тело считает иначе. Я погружаюсь в него, с облегчением ощущая на своем лице его губы. Я вроде бы убедила себя, что наша связь была не такой уж и сильной, но это не так. В мире много разных видов любви, но нашу любовь с Тайером не способны разрушить ни время, ни расстояние, ни что-либо еще. Наша любовь продолжала бы жить, даже если бы мы находились на разных континентах.

Он углубляет поцелуй, и я страстно шепчу его имя. Я убеждена, что это сон. Это никак не может быть реальностью. Но потом я мысленно отмечаю все ощущения – его щетина царапает мне лицо, в моих ладонях скомканная ткань его рубашки, на моих щеках тепло его рук – и я знаю, что все это очень реально. Он отстраняется, совсем чуть-чуть, наше дыхание слилось.

– Ты возвращаешься сюда, в этот город, а такое впечатление, будто ты и не уезжала.

Я прерывисто выдыхаю и закрываю глаза.

– Но я уезжала.

– Но ты уезжала, – повторяет он, облизывая губы. Я жду, что он отпустит меня и поставит точку в этом деле. Я вернулась сюда не для того, чтобы дать ему второй шанс. Вместо этого он шокирует меня, когда говорит:

– Давай встречаться.

– Что?! – вскрикиваю я, убежденная, что неправильно его расслышала.

– Встречайся со мной, – повторяет он, изучая мое лицо. – Мы ... я, – поправляет он, – никогда прежде не поступал с тобой как настоящий мужчина. Позволь мне это изменить. Сходи со мной на свидание.

– Ты спрашиваешь меня или ставишь меня в известность? – прищурившись, уточняю я.

Он ухмыляется и качает головой. Мне безумно нравится, как его волосы падают на лоб.
У меня руки чешутся смахнуть их назад, но я крепко сжимаю ладони.
– Ты пойдешь со мной на свидание, Салем? Настоящее свидание?
Я колеблюсь, но есть только один ответ, который я могу дать Тайеру.
– Да.

Глава шестнадцатая

Тайер

Салем вылезает из моего фургона, тихо прощается и идет к дому своей матери. Экран моего телефона еще светится – я только что забил в него ее новый номер.

Я до сих пор чувствую во рту ее вкус и с улыбкой провожу пальцами по губам.

Не знаю, что на меня нашло, когда я съехал с дороги и поцеловал ее, но я об этом не жалею. Я слишком по ней изголодался. И она согласилась со мной встретиться.

Это вселяет в меня надежду. Какой бы острой ни была ее боль, она может ко мне вернуться. Я понятия не имею, куда ее пригласить. Вести ее в ресторан слишком просто: в этом нет ничего плохого, но я хочу показать ей, что думаю о ней и готов сделать что-то особенное.

Я закрываю фургон, захожу в дом и вытаскиваю Винни из ее ящика в прачечной. Моя девочка зевает и потягивается, после чего осыпает меня поцелуями. Я выпускаю ее на задний двор. Сделав свои дела, она быстро возвращается, выхватывает у меня лакомство и прыгает на свою подушку.

Покачив головой, я открываю холодильник, хватаю бутылку с водой и жадно ее выпиваю.

Я уверен, что у Салем по-прежнему есть ко мне чувства, даже если это всего лишь влечение. Я надеюсь, что на этот раз у меня получится сделать все правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.